

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.В. ПЛЕХАНОВА»**

Факультет экономики и права
Кафедра политологии и социологии

«Допустить к защите»
Заведующий кафедрой
политологии и социологии
Кошкин Андрей Петрович

_____
(подпись)

«_____» _____ 202_ г.

Выпускная квалификационная работа

Направление 41.03.04 «Политология»
Профиль «Теоретико-инструментальный»
ТЕМА: МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА:
УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Выполнил студент Жданов Андрей Игоревич

Группа 28Д/2016-9421

Научный руководитель
выпускной квалификационной работы:
Мухаев Рашид Тазитдинович
доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры политологии и социологии

_____
(подпись)

Автор _____
(подпись)

Москва – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1 АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА	10
1.1 Движущие силы посткоммунистического транзита: структура модернизационной элиты	10
1.2. Стратегии трансформации как репрезентация разных сценариев будущего	19
1.3. Консолидации демократии: дилеммы и угрозы	37
ГЛАВА 2 УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА: МАРКЕРЫ КВАНТИФИКАЦИИ	44
2.1 Институциональные формы демократического транзита	44
2.2 Уровень благосостояния как гарантии против реверса демократии	55
2.3 Культурные детерминанты консолидации демократии	65
ГЛАВА 3 НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ПРОЦЕДУР И РЕЗУЛЬТАТОВ ТРАНЗИТА В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ	81
3.1 Успешная модель демократического транзита: достаточность предпосылок .. 81	
3.2 Модель незаконченного демократического транзита	87
3.3. Модель провала демократического транзита	92
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	96
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	100
ПРИЛОЖЕНИЯ	104

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. На рубеже 80-90-ых гг. XX века произошел глобальный сдвиг в мировой политической системе - число демократий, неуклонно увеличивавшееся с начала 1970-х годов, превысило число автократий. Действительно, данные проекта Polity IV указывают на то, что число «полных демократий» (full democracies) в мире возросло с 44 в 1985 г. до 93 в 2005 г. За два десятилетия численность демократических режимов увеличилась более чем в 2 раза, в то время как количество автократий уменьшилось вдвое. Такое стремительное развитие представляло собой глобальную волну демократии¹.

При этом самые масштабные режимные изменения произошли в странах Восточной Европы и СНГ. Общее количество демократических режимов в Европе увеличилось с 15 до 30 за 6 лет. С. Хантингтон называл это явление «третьей волной демократизации» и характеризовал его как «одно из наиболее значимых изменений в истории человечества». Недавнее значительное расширение ареала демократии широко рассматривалось как создание возможностей для более процветающего, благополучного и гуманного мира. Политологи с большим энтузиазмом оценивали демократические тенденции последних десятилетий, Ф. Фукуяма охарактеризовал триумф демократии как «конец истории», выдвинув идею о том, что с крушением коммунизма более нет альтернативных моделей, которые могли бы бросить вызов притязаниям либеральной демократии быть лучшей формой организации общества². Однако события XXI века дают гораздо меньше поводов для подобного рода исторического оптимизма. Не все страны, порвавшие в 90-ые с тоталитарным наследием, завершили демократический транзит, в итоге придя к консолидированной демократии. Беларусь, Российская Федерация и Казахстан, в отчётах Polity IV фигурируют, как автократические государства, Украина,

---

¹ Демократизация : учеб. Пособие / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 32

² Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М. Б. Левина. — М.: АСТ, 2004. — С. 80-100

Румыния и Болгария, как «неполные демократии», и лишь немногим странам советского блока (Чехии, Словакии, Венгрии, Польше) удалось достичь показателей необходимых для того, чтобы считаться консолидированными демократическими режимами, наравне со «старыми» западноевропейскими демократиями.

В отечественной политической науке и российском медиапространстве до сих пор отсутствует чёткое понимание причин провала демократических реформ, проводимых первым президентом России Б.Н. Ельциным. Пробелы в представлениях об исторических процессах, проходящих в России 1990-ых, не только не дают на ответа на вопрос о том, какие ошибки были совершены во время перехода от советской политической системы к либеральной демократии, но и не позволяют нам получить адекватное представления о том, каким образом в будущем необходимо планировать ход каких-либо социально-политических преобразований. В отсутствии научно-обоснованного объяснения разницы траекторий демократического транзита в Польше, Венгрии, Чехии, Словакии, странах Балтии, с одной стороны, и Болгарии, Румынии, Молдавии, Украине, России, Белоруссии, Казахстане, с другой (при условии равных стартовых позиций в указанных странах) приводит к распространению разного рода спекуляций, которые ещё больше отдаляют нас от осмысления вектора исторического развития стран Восточной Европы, в целом, и России, в частности, в современную эпоху.

Тем самым, актуальность изучения демократического транзита в Восточной Европе заключается в незавершенности имплементации демократических практик, как в России, так и во многих других постсоветских государствах. Изучение факторов, повлиявших на ход демократического транзита. поможет как осмыслить причины неудачи демократических реформ в России 90-ых гг. XX века, так и определить магистральный путь для успешных демократических преобразований.

Степень научной разработанности проблемы. Тема транзита вызывает повышенный интерес в науке. По содержанию все исследования демократического транзита на посткоммунистическом пространстве можно разделить на три группы. Первую группу составляют работы, посвящённые теоретико-методологическим аспектам исследования демократического транзита (Ванханен Т., Гончаров П.К., Даймонд Л., Карл Т.Л., Круассан А., Мельвиль А.Ю., Меркель В., Скочпол Т., Хантингтон С., Шмиттер Ф., Мухаев Р.Т.) Во второй группе представлены исследования, анализирующие непосредственно посткоммунистические трансформации (Батанина И.А., Бродовская Е.В., Глинкина С.П., Головаха Е.И., Малинова О.Ю., Мелешкина Е.Ю., Орлик И.И., Панина Н.В., Пшеворский А., Федотова Н.Н.). В третьей группе авторы рассматривают вопросы, касающиеся специфики демократического транзита в европейских посткоммунистических странах (Адамский В., Заборовский В., Главачек П., Коровицына Н.В., Лактионова Н.Я., Мациевский Ю., Нисневич Ю.А., Сидоренко А., Тарасов И.Н., Уайт С.) При всех достоинствах названных работ, большинство исследователей склонны рассматривать отдельные кейсы транзита, часто упуская из виду общую картину переходных процессов в Восточной Европе. Вызывают вопросы и результаты исследований, поскольку опираются на методы, часто малопригодные для анализа динамических процессов.

Объектом исследования является демократический транзит в посткоммунистических странах.

Предметом исследования являются универсальные и локальные практики перехода к демократии в Восточной Европе и странах СНГ.

Целью исследования является конструирование универсальной модели транзита к демократии в условиях третьей волны и определение факторов демократического реверса в странах Восточной Европы и государствах СНГ.

Достижение данной цели предусматривает выполнение следующих **задач**:

- Изучить теоретические аспекты демократического транзита как механизма политического обновления
- Выявить акторно-ориентированные факторы, препятствующие и благоприятствующие демократическому транзиту
- Выявить структурно-ориентированные факторы, препятствующие и благоприятствующие демократическому транзиту
- Сравнить магистральный путь внедрения, распространения и консолидации демократических практик в изучаемых странах
- Сравнить социальные, экономические, культурные, политические и другие показатели, влияющие на ход демократического транзита, в изучаемых странах.
- Диагностировать причины провала и успеха демократического транзита в изучаемых странах.
- Разработать теоретическую модель успешного демократического транзита
- Представить практические рекомендации на основе проведённого сравнительного анализа

Методологическая и теоретическая основа исследования.

Исследование базируется на положениях и выводах транзитологии как науки, изучающей процессы перехода к демократии в условиях “третьей волны”. В качестве инструмента анализа транзитных практик используется **мультипарадигмальная парадигма**, включающая ряд методов анализа, в том числе, «идеально-типический» подход к анализу трансформации системных свойств общественной системы, сформулированный М. Липсетом³. Методологические предпосылки этого подхода, содержащие многомерные корреляции структур и практик индивидуального поведения, представлены в работе П.Лазерсфельда «Интерпретация статистических отношений как

---

³ Липсет, М. Политический человек : социальные основания политики / пер. с англ. Е. Е Генделя, В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. — М.: Мысль, 2016. – С. 82-87

исследовательская процедура»⁴. Основной вопрос состоит в том, насколько корректно экстраполировать универсальные схемы тотальных социальных систем на анализ конкретных исторических реалий. Последствия статистических данных применительно к демократии, вероятность обусловленности генезиса демократии экономическим развитием и политической легитимностью позволяют предположить, что имеются такие аспекты тотальных общественных систем, которые могут быть артикулированы в теоретических терминах, подвергнуты сравнению с похожими аспектами других систем. В то же самое время они сами выводимы из эмпирических данных, которые могут быть проверены (или поставлены под сомнение) другими исследователями.

Научная новизна исследования. Она состоит в том, чтобы установить причинную обусловленность набора и иерархии факторов, позволяющих, эмпирически квантифицировать одни страны, как «более демократические» или «менее демократические», не подразумевая в данном определении каких-нибудь абсолютных качеств. При этом невозможно идентифицировать какой-то один фактор, кардинальным образом ассоциирующийся с любой сложной, по-настоящему комплексной социальной характеристикой или же «являющийся ее причиной». Тем самым, подобные характеристики рассматриваются как имеющие многомерную, многофакторную причинную обусловленность и последствия.

Эмпирическая база исследования. Ареал исследования представлен посткоммунистическими странами, осуществлявшими демократический транзит на рубеже XX-XXI веков: Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария, Румыния, Молдавия, Украина, Белоруссия, Россия и Казахстан. Анализ строится на допущении, что на момент начала демократических реформ эти страны находились на примерно равных стартовых позициях (экономических, культурных, политических, социальных и др.) и что иные факторы, которые

---

⁴ Lazarsfeld, P. F. The Language of Social Research / P. F. Lazarsfeld, M. Rosenberg. - Glencoe: The Free Press, 1955. - P. 115—12

могли бы повлиять на ход транзита в одной стране, но при этом отсутствовали бы в другой, не обладают достаточной значимостью (цивилизационные, исторические геополитические и др.). При этом из сравнительного анализа исключены страны Балтии, ввиду малых размеров и невозможности их взвешенного сравнения с другими странами Восточной Европы, страны бывшей Югославии, из-за происходивших там на момент транзита межрелигиозных и межнациональных конфликтов, а также страны Кавказского региона и Средней Азии, ввиду их специфики и наличия значимых религиозных и цивилизационных особенностей, отсутствующих у иных посткоммунистических странах. Казахстан был добавлен автором для очевидного примера страны с неудавшимся демократическим транзитом.

Гипотеза: Основной причиной дифференциации траекторий демократического транзита в посткоммунистических странах Восточной Европы является конфигурация эндогенных и экзогенных факторов, обуславливающих консолидацию демократических практик.

Основные положения курсовой, выносимые на **защиту**:

1) На этапе либерализации демократический транзит в посткоммунистических странах Восточной Европы и России происходил одинаково успешно.

2) Иерархия эндогенных и экзогенных факторов предопределила магистральный путь политического развития указанных государств при вариативности моделей институционализации демократических практик.

3) Консолидация демократического политического режима удалась лишь в странах с достаточно высокими стартовыми условиями социально-политического, экономического и культурного развития, что отражается в показателях кластерного и регрессионного анализа.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования апробированы автором в научных статьях и выступлениях на конференциях:

1. «Гуманитарное знание в механизме модернизации // «Вестник Омского университета», 2020, № 1 - 0,5п.л. (перечень ВАК):

2. Античные модели демократии: уроки для современных политий//Политика в фокусе медиа и глобальных вызовов – М.2020, - 0,8п.л. (РИНЦ)

3. Политическая конкуренция как драйвер совершенствования политической системы России// Политика в фокусе медиа и глобальных вызовов – М.2020 - 0,8п.л. (в соавтор) (РИНЦ)

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, основной части (трёх глав – девяти параграфов), заключения, приложения и списка использованных источников.

ГЛАВА 1 АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА

1.1 Движущие силы посткоммунистического транзита: структура модернизационной элиты

Демократический транзит является собой многосоставное понятие, содержащее множество периодов и этапов. Наиболее развернутую этапизацию переходных преобразований предложили Г. О'Доннелл и Ф. Шмиттер, обосновавшие наличие следующих трех стадий:

- либерализации, характеризующейся возникновением кризиса идентичности, падением авторитета власти, выявлением недостатков институциональной системы; установлением «дозированной демократии», легитимизирующей сторонников преобразований в политическом пространстве;
- демократизации, выражающейся в институционализации демократических ценностей, норм и процедур, в процессе которой происходит внедрение демократических институтов (выборов, партий) в политическую систему общества;
- консолидации демократии, заключающейся в необратимости демократических преобразований, т.е. в добровольном принятии новых институтов и процедур всеми ключевыми участниками политического процесса как единственно правильных и всеобщеприемлемых⁵.

Именно в данном разрезе автором будет рассматриваться ход демократического транзита в изучаемых государствах.

Процесс либерализации в странах Восточной Европы начался задолго до старта демократического транзита. Особенно заметно это было в **Польше**, где в 1980 г. был основан профсоюз «Солидарность», лидеры которого после 8 лет борьбы в 1988 г. склонили Председателя Государственного Совета ПНР Войцеха Ярузельского к переговорам. Растущее гражданское общество, включающее в

---

⁵ O'Donnell, G. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies / G. O'Donnell, P. Schmitter. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986. – P. 96

себя Католическую церковь, правозащитное движение, трудовые союзы (одним из первых был Комитет защиты рабочих – многие члены которого впоследствии стали активистами «Солидарности» и значимыми политиками посткоммунистической Польши) вынудили власти к проведению полномасштабных переговоров в 1989 г., по итогам которых произошла легализация «Солидарности», политические реформы, включающие право на свободу слова и свободу собраний, демократические выборы, независимый суд и экономические преобразования.

По итогам круглого стола в Польше появился качественно новый парламент, где в Сенате кандидаты от «Солидарности» получили 99 голосов из 100, а в Сейме 161 место из 460-ти. После мирного политического процесса 7 сентября 1989 г. к власти пришло первое некоммунистическое правительство во главе с представителем «Солидарности» советником Леха Валенсы Тадеушем Мазовецким. В следующем году лидер «Солидарности» Лех Валенса стал президентом Польши, положив начало новому курсу в развитии страны. Аналогичную роль в истории **Чехословакии** сыграла организация диссидентов под названием Хартия-77. Её основатели стали ведущими общественными и политическими фигурами в стране в после Бархатной революции 1989 г. Во время протестов, происходивших с 17 ноября по 29 декабря 1989 г., один из авторов Хартии-77 Вацлав Гавел основал общественно-политическую организацию «Гражданский форум», в которой объединились представители чехословацких оппозиционных организаций. В условиях всеобщих забастовок последний коммунистический премьер-министр Чехословакии Ладислав Адамнец был вынужден перейти к переговорам с оппозицией. По итогам «Бархатной революции» КПЧ лишилась властных полномочий, а Вацлав Гавел стал президентом Чехословакии, в стране были проведены политические реформы, по итогам которых в 1990 г. прошли выборы в Федеральное собрание Чехословакии, где большинство получил «Гражданский форум» и другие оппозиционные партии.

В Венгрии организацией, объединившей вокруг себя оппозиционно настроенных интеллектуалов, стал Венгерский демократический форум. Растущее влияние гражданского общества Венгрии во главе с ВДФ склонили правительство к переговорам т.н. «венгерским круглым столам», начавшимся в июне 1989 г. В 1990 года ВДФ выиграл первые свободные парламентские выборы после окончания коммунистического правления в Венгрии, набрав 24,7% голосов и 164 из 386 мест, а лидер «Форума» стал премьер-министром. В качестве еще одного признака быстрых политических изменений правительство санкционировало и приняло участие в официальном перезахоронении бывшего лидера Имре Надя, который был свергнут в 1956 году, когда советские танки подавили народное восстание⁶. Легкость политической либерализации в Венгрии можно объяснить тем фактом, что масштабная экономическая либерализация началась ещё в 1982 г. В этот период появилось новое законодательство, которое предоставило гражданам права частной собственности во многих сферах уже существующей «второй» (неподконтрольной государству) экономики, что привело к складыванию благоприятных условий для консолидированной демократии. Х. Линц и А. Степан охарактеризовали этот феномен как «экономическое общество»⁷.

Как можно констатировать, процесс либерализации в Польше, Чехословакии и Венгрии протекал по одним и тем же лекалам. Зарождалась группа интеллектуалов, противодействующая коммунистическому режиму и способствовавшая наступлению либерализации. Для этих целей проводилась просветительская и организационно-политическая работа. С ростом влияния этих оппозиционных организаций и в условиях преимущественно мирного ненасильственного протеста коммунистические лидеры указанных стран были вынуждены пойти на уступки, расширяя политическую, социальную и

---

⁶ Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1989-1990 / General Edition R.B. McColm. - New York : Freedom House, 1991. — P. 125

⁷ Демократизация: учеб. пособие / сост. и науч. ред. К. В. Харпфер, П. Бернхаген, Р. Ф. Инглхарт, К. Вельцель. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — С. 229-230

экономическую либерализацию, после чего с увеличением возможностей для политического представительства лидеры новых демократических структур приходили к власти. Данная модель акторно-ориентированных действий полностью укладывается в схему успешного демократического транзита, разработанную Адамом Пшеворским его исследовании «Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке». Согласно концепции Пшеворского высвобождение из-под авторитаризма может произойти только в результате взаимопонимания между реформаторами и умеренными. Оно возможно, если, первое, реформаторы и умеренные достигают соглашения об институтах, при которых представляемые ими социальные силы имели бы заметное политическое влияние в демократической системе, второе, реформаторы в состоянии добиться согласия сторонников твердой линии или нейтрализовать их, третье, умеренные способны контролировать радикалов. Возможные итоги демократического транзита представлены Пшеворским в таблице 1⁸.

Таблица 1

Варианты взаимодействия политических акторов

		Умеренные объединяются	
		с радикалами	с реформаторами
Реформаторы объединяются	со сторонниками жесткой линии	Авторитарный режим сохраняется в прежней форме	Авторитарный режим сохраняется с уступками
	с умеренными	Демократия без гарантий	Демократия с гарантиями

⁸ Przeworski, A.. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America / A. Przeworski. - New York: Cambridge Univ. Press, 1991. - P.121

Польша, Венгрия и Чехословакия, посредством широкомасштабных переговоров, «круглых столов» и «бархатных» преобразований во многом преопределили своё движение по пути к консолидированной демократии с «гарантиями» для всех задействованных политических акторов.

Несколько по иному пути проводилась либерализация в Балканских государствах – Болгарии, Румынии. Стартом к началу преобразований послужили изменения в элите, а не давление гражданского общества. 10 ноября 1989 лидер Народной Республики Болгария Тодор Живков (в 1991 г. он был отдан под суд), который начинал свою политическую карьеру ещё во время руководства СССР И. Сталиным, был смещён Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии. Смена руководство подстегнула оппозицию к борьбе за власть, однако на первых свободных выборах в Болгарии, прошедших в 1990 г. оппозиционно настроенный «Союз Демократических сил» уступил большинство «Болгарской социалистической партии» (преобразованной партии болгарских коммунистов). Из-за произошедшей деконсолидации государственных институтов Болгарию весь 1990 г. сотрясала волна политических отставок, конфликтов и уличных стычек. Тем не менее, в декабре 1990 г. удалось сформировать коалиционное правительство, которое развернуло серию экономических реформ, утвердило новую Конституцию и провело выборы в «Народное собрание Болгарии», на которых победу одержал «Союз Демократических сил», заняв 110 мест из 240.

Ещё более радикально политическая либерализация была произведена в Румынии. В декабре 1989 г. коммунистический лидер Н. Чаушеску был свергнут силовым путём и расстрелян, множество людей в результате столкновений было убито, а к власти пришел «Фронт национального спасения» во главе с бывшим коммунистическим аппаратчиком Ионом Илиеску.

Тем самым, мы можем констатировать, что действия акторов демократического транзита в Балканских странах разительно отличались от тех, что предпринимали лидеры либерализации в Польше, Венгрии и Чехословакии.

Во-первых, в вышеуказанных странах на первых свободных выборах к власти пришли некоммунистические силы, разворачивающие свою деятельность ещё задолго до старта демократических преобразований и ставшие его предвестниками. Однако в Болгарии демократический транзит начался по результат внутриэлитной борьбы, из-за чего оппозиция не успела обрести достаточную субъектность, чтобы противостоять коммунистическим силам на выборах. Также существенным различием является тот факт, что взаимодействия между драйверами либерализации и прокоммунистически настроенными силами носили гораздо более острый характер, чем это происходило в странах Вышеградской группы. Что касается Румынии, то либерализация там произошла по революционному сценарию и была сопряжена с насилием, гражданским противостоянием и политическими убийствами.

Подобные действия политических акторов в Болгарии и Румынии не способствует утверждению сбалансированного и консолидированного политического режима. В политической науке переход к демократии, осуществляемый посредством переговорного процесса, рассматривается как желательное, если не как необходимое условие ее устойчивости. «Соглашения или договоры не всегда возможны или желательны», - считают Гильермо О'Доннелл и Филипп Шмиттер, - «но в том случае, когда они достигаются, это заслуживает позитивной оценки, поскольку в итоге повышается вероятность создания жизнеспособной политической демократии»⁹. А. Пшеворский повторяет точку зрения, согласно которой демократию «невозможно навязать; она возникает в процессе переговоров»¹⁰. Смена власти путем переговоров (negotiated transitions) или, как называет это Хантингтон, - переговорные замены (transplacements) может происходить лишь при наличии двух условий. Во-первых, наиболее влиятельные группы в правительстве и оппозиции должны исходить из того, что ни одна из сторон не может определять будущее

---

⁹ O'Donnell, G. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies / G. O'Donnell, P. Schmitter. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986. – P. 39.

¹⁰ Przeworski, A. Democracy and the Market / A. Przeworski . - New York: Cambridge Univ. Press, 1991. - P. 80.

единолично. Во-вторых, необходимо, чтобы в критические моменты влияние реформаторов в правительстве было сильнее влияния консерваторов, а влияние умеренных в оппозиции - сильнее влияния экстремистов¹¹.

В данном случае Болгария и Румыния являют собой пример стран, в которых демократический транзит происходил вопреки указанным концепциям. В Болгарии противоборствующие стороны около года не могли прийти к консенсусу и сформировать стабильное правительство, что существенно затрудняло переход к консолидированной демократии и повышало градус политической борьбы. В Румынии же авторитарный режим был свергнут в отсутствие каких-либо переговоров исключительно силовым путём.

Похожим образом развивались события на территории СССР. Коренные политические, экономические и социальные преобразования, проводимые М. Горбачевым с тех пор, как он пришел к власти, со временем приобрели форму «импровизации», в то время как страну охватили стихийные забастовки, протесты и националистические демонстрации на окраинах. Центральные власти столкнулись с требованиями суверенитета в Прибалтике, Украине, Молдавии и на Кавказе. 26 марта 1989 г. на первых свободных выборах в СССР, беспартийные заняли около 10% мест в Съезде народных депутатов СССР. Тем самым, советские граждане оказали наименьшую электоральную поддержку оппозиционным кандидатам, среди описываемых государств.¹² Однако политическую либерализацию так и не удалось провести без политических, экономических и социальных потрясений, который, в конце концов привели к развалу СССР. В 1991 г. Советский Союз распался, расколотый центробежными силами национализма, экономического хаоса, структурного разложения,

---

¹¹ Huntington, S. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*/ S. Huntington. – Norman: Univ. of Oklahoma Press, 1991. - P. 124-152

¹² *Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1989-1990* / General Edition R.B. McColm. - New York : Freedom House, 1991. — P. 251-256

попытки государственного переворота и неэффективного руководства президента Михаила Горбачева¹³.

Таким образом, мы можем наблюдать заметную разницу в траекториях действия политических субъектов, проводящих либерализацию политического режима в описываемых посткоммунистических странах. Кристиан В. Харпфер, описывая демократизацию в Восточной Европе СССР отмечал наличие т.н. «позитивного исторического фона», упрощающего демократический транзит в отдельных государствах. Так, попытки реформирования предпринимались в Венгрии – в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г. и в Польше – в 1980, когда католический профсоюз «Солидарность» под руководством Леха Валенсы выступил против польского коммунистического режима. В свою очередь, поверхностные реформы были проведены в Венгрии, когда Янош Кадар разрешил частную собственность на фермы и малые предприятия, а также свободы передвижения по миру, и Польше, где коммунистические лидеры Войцех Ярузельский и Эдвард Герек ввели элементы капитализма в аграрном секторе, в том числе допустили частную собственность на обрабатываемую фермерами землю. Тем самым, мелкие предприниматели на островах капитализма посреди моря плановой экономики образуют группу прото-капиталистов, способных дать импульс либерализации и дальнейшей демократизации¹⁴.

Рассматривая процесс перехода от тоталитаризма к демократии, уже на начальном этапе автор фиксирует разницу в политических действиях акторов. В большинстве стран переход от однопартийной коммунистической системы к демократии произошел без насилия и мирным путём. В Чехословакии не без участия сильного диссидентского движения и прежде подавляемого гражданского общества произошла «бархатная революция», и

---

¹³ Freedom in the World Political Rights & Civil Liberties 1990-1991/ General Edition R.B. McColm. - New York, 1991 P. 456-463

¹⁴ Демократизация: учеб. пособие / сост. и науч. ред. К. В. Харпфер, П. Бернхаген, Р. Ф. Инглхарт, К. Вельцель. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — С. 521-526

коммунистические лидеры в Праге тихо и без открытого сопротивления покинули свои посты. Другая форма смены режима воплотилась в так называемых «круглых столах» - эта форма режимного транзита проявила себя в Польше и Венгрии. Однако оставшиеся государства из перечня описываемых автором отошли от концепций цивилизованной либерализации. В Болгарии конец правлению коммунистического лидера Тодора Живкова положила отдельная часть самой коммунистической элиты, что впоследствии привело к периоду дестабилизации политической системы, которая была вызвана противостоянием либеральной оппозиции и БСП. В данном случае Болгария отклонилась от пути Польши Венгрии и Чехословакии по двум параметрам, во-первых, на первых свободных выборах там не было преодолено коммунистическое правление, во-вторых, переговоры долго время не могли прийти к конструктивному началу и сопровождалась обширным политическим противостоянием политических акторов. Ещё дальше от концепции «нормальной» либерализации отошли политические акторы в Румынии, где жестокий конец режима румынского диктатора Николаэ Чаушеску был также следствием переворота внутри коммунистической элиты, которая сохранила власть и после утверждения демократического режима.

Походным образом проводилась демократизация в СССР. Политические реформы М.С. Горбачева были начаты «сверху», при минимальном участии гражданского общества, на первых свободных выборах практически абсолютную власть получили депутаты от КПСС, политическая либерализация была сопряжена с разрастающимся экономическим кризисом, ростом политического насилия и отсутствием консенсуса среди акторов, относительно желательных траекторий политической либерализации, что, в конце концов, привело к краху государства. Тем самым, стратегия либерализации в СССР (касательно акторно-ориентированных факторов) находится в одной плоскости с балканскими государствами.

1.2. Стратегии трансформации как репрезентация разных сценариев будущего

В теории демократического транзита, как секторе политической науки, большое внимание уделяется поведению политических элит на этапе институционализации демократических практик. Мартин Липсет в своём исследовании «Политический человек» констатировал, что политика демократии – это обязательно в какой-то степени и политика конформизма для элиты общества: «Коль скоро массы получают доступ в элиту, коль скоро людям, принадлежавшим к элите, приходится в своих действиях учитывать реакцию масс, свобода элиты (будь то политической или творческой) ограничивается¹⁵. В свою очередь, Федерико М. Росси и Донателла дела Порта из Департамента политических и социальных наук Европейского университетского института в своём исследовании о взаимодействии политических акторов и институтов, отводили элитам особое место в рамках демократического транзита. Согласно их концепции, элиты являются не только источником демократического процесса, но и теми, кто контролирует его результат. Элиты должны в условиях дестабилизации политической системы, вызванной коренными преобразованиями в рамках демократизации, стремиться к утверждению и поддержанию цивилизованных консенсусных практик¹⁶.

Тем самым, автор констатирует, что для утверждения демократических практик после того, как с авторитарным режимом было покончено, необходимо, чтобы, во-первых, элиты сохраняли «внутреннюю лояльность» демократии, во-вторых, сами являлись источником демократического процесса и свои политические действия соотносили с демократическими идеалами, в-третьих, в условиях перестройки политической системы (характерная черта для любых

---

¹⁵ Липсет, М. Политический человек : социальные основания политики /М. Липсет . — М.: Мысль, 2016. – С. 483-484

¹⁶ Демократизация: учеб. пособие / сост. и науч. ред. К. В. Харпфер, П. Бернхаген, Р. Ф. Инглхарт, К. Вельцель. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — С. 307-308

политических преобразований) стремились путём переговоров и иных действий достичь консолидации демократических институтов.

Изучив биографии посткоммунистических элит описываемых государств, автор констатирует, что в Польше, Венгрии и Чехословакии диссидентские группы, ставшие катализатором либерализации, явили собой ресурс для кооптации новых политических элит.

Первый руководитель профсоюза «Солидарность» Лех Валенса стал первым президентом независимой Польши в 1990-1995 гг., другой лидер «Солидарности» Тадеуш Мазовецкий стал первым посткоммунистическим премьер-министром Польши, с «Солидарностью» были связаны Председатель совета министром Польши Ян Ольшевский, президент Польши Лех Качиньский, 52-й Председатель Совета Министров Польши Ярослав Качиньский. Также многие деятели «Солидарности» занимали государственные должности в парламенте и правительстве Польши.

Многие авторы «Хартии-77» и члены диссидентского движения также заняли политические должности в посткоммунистических Чехии и Словакии. Вацлав Бенда стал председателем Палаты депутатов Федерального собрания Чехословакии в 1992 г., Вацлав Гавел Президентом Чехословакии и первым Президентом независимой Чехии, а Иржи Динстбир возглавил МИД Чехословакии. В свою очередь, руководитель Венгерского Демократического Форума диссидент и антикоммунист Йозеф Анталл стал первым демократически избранным премьер-министром Венгрии.

На Балканах политические реформы проводили качественно иные элиты. Как было описано выше, на первых свободных выборах победила БСП – преобразованная Болгарская коммунистическая партия, что несколько изменило траекторию демократического транзита. Так первым премьер-министром Республики Болгария стал член Болгарской коммунистической партии Андрей Луканов, что не позволяет поставить Болгарию в один ряд с Польшей, Венгрией и Чехословакией, где во власть пришли политики, не связанные с

коммунистическими движениями. Помимо А. Луканова, в 1995 г. премьер-министром от БСП стал член БКП с 1983 г. Жан Виденов, чья деятельность во главе Правительства в итоге привела к финансовому и политическому кризису. Однако впоследствии к власти в Болгарии пришли продемократические силы.

Иным образом обстояли дела в Румынии и описываемых постсоветских республиках. Как было описано выше, демократический транзит в Румынии начался с внутриэлитного переворота, в результате которого первым президентом Румынии стал видный коммунистический деятель Ион Илиеску. Похожим образом обстояли дела в Молдавии, где президентами в 1990-ых были члены КПСС - Мирча Снегур и Пётр Лучинский, в Украине (Леонид Кравчук - в 1990-1991 годах — член Политбюро ЦК КПУ), Белоруссии (Станислав Шушкевич, председатель Верховного Совета Республики Беларусь в 1991-1994 гг. – член КПСС с 1968 г.), России (Борис Ельцин – секретарь ЦК КПСС в 1985-1986 гг.), Казахстане (первый президент независимого Казахстана – Нурсултан Назарбаев - Первый секретарь ЦК КП Казахстана в 1989-1991 гг.).

В итоге автор выделяет несколько групп стран, по характеру акторов – политических элит, осуществлявших институционализацию демократических практик после падения коммунистических режимов. Первая группа (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия), где к власти пришли никак не связанные с коммунистическими движениями лидеры, чья лояльность демократии была бесспорна и доказана их многолетней диссидентской деятельностью на протяжении коммунистического правления. Вторая группа (Румыния, Болгария), где некоммунистические акторы так или иначе смогли стать частью политического класса, однако влияние элитных групп, аффилированных с коммунистическими партиями, оставалось достаточно велико. Третья группа (Молдавия, Украина, Белоруссия, Россия, Казахстан), где политический класс уже независимых государств был в большинстве своём укомплектован лидерами, в прошлом или связанными со структурами КПСС или

возглавлявшими их. Подобного рода особенности правящего класса описанных государств и предопределили траектории демократического транзита.

В 1992 г. Польша продолжила свой путь к демократической рыночной стране, несмотря на возникающие политические противоречия, была принята «Малая конституция», положившая новую веху в развитии польского государства. Несмотря на тот факт, что на выборах в 1993 г. первое место занял «Союз демократических левых сил» (преемница Польской объединённой рабочей партии) демократическая тенденция в Польше изменений не претерпела. Также широкое развитие в Польше получила свобода прессы – около 85% всех СМИ было приватизировано. Несмотря на возвращение к власти политических наследников ПОРП - Александр Квасьневский выиграл резидентские выборы в 1995 году – глобально данный факт не повлиял на вектор демократического транзита, благодаря умеренной и взвешенной политике, которая ориентировалась на «капиталистическое будущее»¹⁷.

Действия политических акторов Чехословакии также не способствовали развитию политических катаклизмов. Чешские и словацкие лидеры договорились о мирном и ненасильственном разделении страны в 1992 г., которое получило название «Бархатный развод». После обретения независимости чешское правительство, возглавляемое Вацлавом Клаусом (активным деятелем «Пражской весны» и отказавшимся вступить в Коммунистическую партию Чехословакии) продолжило экономические реформы и институционализацию демократической политической системы. Так, 9 июля 1993 г. чешский парламент принял закон «О незаконности коммунистического режима», согласно которому Коммунистическая партия

---

¹⁷ Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992-1993 / General Edition R.B. McColm. - New York: Freedom House, 1994. — P. 415-418

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993-1994 / General Edition J.Finn. — New York: Freedom House, 1994. — P. 459-461

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994-1995 / General Editor J.Finn. — New York: Freedom House, 1995. — P. 466-470

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995-1996 / General Editor R. Kaplan. — New York: Freedom House, 1996. — P. 17-18

была признана преступной организацией, любые формы сопротивления против неё – морально оправданными, а срок давности преступлений коммунистического режима был отменён. Коалиционное правительство премьер-министра Вацлава Клауса предпринимало усилия по уравниванию ускоряющейся приватизации и социальных потребностей тех, кто «выпал» из наиболее процветающей и перспективной экономике Восточной и Центральной Европы. В 1995 году правительство премьер-министра Вацлава Клауса продолжало корректировать рыночные реформы, которые обеспечили Чешской Республике устойчивый экономический рост. В ноябре она стала первой посткоммунистической страной, принятой в Организацию экономического сотрудничества и развития. Экономические меры, принятые в 1995 году, включали отмену регулирования минимальной заработной платы, превращение кроны в полностью конвертируемую валюту, изменение законов о банкротстве для ускорения процедур ликвидации убыточных предприятий и ужесточение законов о конфликте интересов. Низкая инфляция, небольшой внешний долг, 3-процентный рост производства, 3-процентная безработица и рекордные валютные резервы способствовали политической стабильности и относительному процветанию Чехии. В сентябре 1995 г. парламент продлил действие «законов о люстрации», которые ограничивают права агентов тайной полиции и высокопоставленных коммунистических деятелей до 2000 года. Президент В. Гавел наложил вето на законопроект, утверждая, что продление срока было преждевременным, поскольку закон не истек до конца 1996 года. Парламент отменил вето 18 октября¹⁸.

В Словакии политический процесс отличался гораздо меньшей стабильностью. Так, в 1994 г. дважды сменилось правительство. 14 марта 1994 г.

---

¹⁸ Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992-1993 / General Edition R.B. McColm. - New York : Freedom House, 1994. — P. 224-228

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994-1995 / General Editor J.Finn. — New York : Freedom House, 1995. — P. 213-216

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995-1996 / General Editor R. Kaplan. — New York : Freedom House, 1996. — P. 202-204

премьер-министр Владимир Мечьяр (член организации «Общественность против насилия» — словацкий аналог «Гражданского Форума» и исключенный из Коммунистической партии за симпатии демократическому движению в 1968 г.) был смещён с поста, его заменил Йозеф Моравчик – сформировавший коалицию из демократов, социалистов и коммунистов. Однако парламентских выборах осенью 1994 года победу одержал Владимир Мечьяр и его партия «Движение за демократическую Словакию», сформировавший в декабре новое правительство. Между премьер-министром Владимиром Мечьяром и президентом Словакии Михаилом Ковачом происходил политический конфликт, однако глобально политические перестановки и противоречия внутри словацкой элиты не повлияли на институционализацию демократических практик и не вылились в форму гражданского противостояния¹⁹.

Похожие противоречия существовали внутри венгерского политического класса. «Венгерский демократический форум» был расколот, из-за существования крайне-правого крыла, возглавляемого одним из его основателей Иштваном Цуркой. Напряжённость, существовавшая внутри партии и правительства, затрудняла проведение экономических и политических реформ. Политические неудачи ВДФ привели к тому, что после выборов 1994 г. премьер-министром стал социалист Дьюла Хорн, однако смена политического курса не изменила траекторию демократического транзита. Венгерская социалистическая партия, возглавляемая Д. Хорном вступила в коалицию с Альянсом свободных демократов – «либеральной и агрессивно про-рыночной партией» и продолжила курс на укрепление демократических институтов. 8 февраля 1994 г. Венгрия присоединилась к программе «Партнерство ради мира» НАТО, также венгерское руководство артикулировало стратегическое движение по вступлению в ЕС.

---

¹⁹ Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993-1994 / General Edition J.Finn. — New York : Freedom House, 1994. — P. 497-499

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994-1995 / General Editor J.Finn. — New York : Freedom House, 1995. — P. 508-512

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995-1996 / General Editor R. Kaplan. — New York : Freedom House, 1996. — P. 418-420

Несмотря на экономические трудности и непопулярные реформы, Венгрия реализовывала стратегию по укреплению демократических институтов в условиях отсутствия серьёзных политических катаклизмов – так, согласно принятому закону о СМИ, была обеспечена свобода прессы и 2 государственных канала было приватизировано²⁰.

В Болгарии институционализация демократических практик происходила в условиях политического противостояния между президентом Желю Жельёвым (бывшим член БКП) и правительством, которое усилилось в октябре, когда премьер-министр Димитров (лидер СДС) обвинил Желёва в клевете, направленной на дестабилизацию правительства. В попытке утвердить свою власть Димитров призвал парламент к голосованию о доверии правительству 28 октября 1992 г. болгарский парламент выразил правительству вотум недоверия, отправив его в отставку.

Однако процесс демократизации в Болгарии продолжился, несмотря на политические катаклизмы. Смещение бывших коммунистов с большинства высших постов после парламентских и президентских выборов проложило путь к активной кампании по расследованию преступлений, совершенных в коммунистическую эпоху. Президент Жельёв призвал очистить запятанную репутацию Болгарии в связи с ее причастностью к "зонтичному убийству" диссидента Георгия Маркова в Лондоне в 1978 году и покушению на папу Иоанна Павла в 1981 году. Генерал Владимир Тодоров (офицер КГБ Болгарии) был приговорен к 14 месяцам тюремного заключения за уничтожение документов, связанных с убийством Георгия Маркова. Бывшие председатели Совета Министров Болгарии Андрей Луканов и Гриша Филиппов были

---

²⁰ Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992-1993 / General Edition R.B. McColm. - New York : Freedom House, 1993. — P. 266-269

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993-1994 / General Edition J.Finn. — New York : Freedom House, 1994. — P. 298-301

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994-1995 / General Editor J.Finn. — New York : Freedom House, 1995. — P. 289-302

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995-1996 / General Editor R. Kaplan. — New York : Freedom House, 1996. — P. 259-261

арестованы в июле 1992 г. за незаконное присвоение государственных средств. После 18-месячного судебного процесса, бывший председатель Коммунистической партии и глава государства Тодор Живков был признан виновным в растрате 24 миллионов долларов и приговорен к семи годам лишения свободы. Также парламент Болгарии принял закон о реституции земель, конфискованных коммунистами.

Экономические неудачи и падение уровня жизни привели к тому, что на выборах в 1994 г. победу одержала «Болгарская социалистическая партия», состоящая из бывших коммунистов. Другой серьезной проблемой, тормозящей институционализацию демократических практик, была коррупция, в которой обвинялись лидеры БСП и «Движения за права и свободы» - партий, образовавших в 1994 г. коалицию. Незаконная валютная спекуляция, нерегулируемая приватизация и коррупция среди государственной бюрократии были повсеместными. В 1995 году Болгария стала свидетелем напряженности между правительством премьер-министра Жана Виденова и президентом Желю Желевым, бывшим лидером оппозиционного Союза демократических сил (ОДС), по таким вопросам, как приватизация, владение землей и членство в НАТО. Также серьезными препятствиями для институционализации демократических практик в Болгарии стали 20-процентная безработица, инфляция, производственный кризис, укрепление старой коммунистической элиты в частном бизнесе, пробелы в законодательстве, которые давали этим элитам лазейку для злоупотреблений и затянувшаяся приватизация. Однако победа социалистов на выборах не изменила магистральную траекторию демократизации Болгарии – так, была создана совместная парламентская комиссия Болгарии и Европейского Союза для содействия интеграции Болгарии в европейские структуры, а Конституционный суд отклонил правительственные поправки в закон о реституции, направленные на защиту нынешних арендаторов,

которым грозило выселение в случае восстановления прав собственности прежних владельцев²¹.

Подобного рода политическая поляризация проявила себя в Румынии, где на местных и общенациональных выборах в 1992 г. обозначились противоречия между правящей некоммунистической элитой и оппозицией. Местные выборы показали значительный электоральный рост оппозиционной коалиции — «Демократическая конвенция», но на общенациональных выборах победил действующий президент Ион Илиеску и его недавно созданный «Демократический фронт национального спасения». Результаты выборов поставили под сомнение будущее экономических реформ, предпринятых предыдущим правительством премьер-министра Теодора Столжана, и обострили этническую напряженность между румынами и многочисленным венгероязычным меньшинством в Трансильвании.

В 1993 году возросшая социальная напряжённость, вялотекущие экономические реформы и парламентская фракционность стали ключевыми проблемами для коалиционного правительства меньшинства премьер-министра Николае Вэкэрою. В марте 1993 года на фоне растущих волнений и забастовок правительство представило парламенту долгосрочный план по выходу из кризиса, однако оппозиция раскритиковала правительство за неспособность предложить конкретную антикризисную программу. В июле Организация экономического сотрудничества и развития пришла к выводу, что неуверенный подход правительства к реформам не смог преодолеть влияние враждебных групп и что рыночные начала были «искажены» бюрократическим интервенционизмом. ОЭСР признала суровое наследие чрезмерной

---

²¹ Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992-1993 / General Edition R.B. McColm. - New York : Freedom House, 1993. — P. 145-147

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993-1994 / General Edition J.Finn. — New York : Freedom House, 1994. — P. 168-171

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994-1995 / General Editor J.Finn. — New York : Freedom House, 1995. — P. 157-160

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995-1996 / General Editor R. Kaplan. — New York : Freedom House, 1996. — P. 159-160

централизации и экономической автаркии, завещанных режимом Чаушеску. Подчеркивалось, что падение производства было более продолжительным и глубоким, чем в других посткоммунистических государствах. В связи с падением экономики в обществе возрастала социально-политическая напряжённость, которая вылилась в т.н. «Марш отчаянных» и серию протестов. В середине декабря тысячи румын потребовали возрождения монархии и свержения правительства в рамках отмечавшейся годовщины восстания 1989 года. Более 10 000 человек прошли к кабинету премьер-министра и еще 5000 человек собрались на Университетской площади, где они требовали отставки президента Илиеску. В Тимисиоре, где началась революция 1989 года, 7 000 собрались, чтобы призвать к отставке правительства.

Следующей 1994 год ознаменовался для правительства Николае Вэкрэроу и правящей Социал-демократической партией Румынии (являющейся политическим наследником коммунистической партии) противостоянием с парламентом, массовыми волнениями и медлительными экономическими реформами. К 1995 году правительству Румынии удалось стабилизировать экономику и обеспечить скромный рост, однако политическая напряжённость и противоречия между венгерским меньшинством и радикальными политическими движениями существенно затормозили институционализацию демократических практик. Улучшение макроэкономических показателей дало дополнительный импульс политической модернизации Румынии широко распространенная коррупция и некомпетентность среди государственных служащих препятствовало утверждению демократических практик²².

---

²² Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992-1993 / General Edition R.B. McColm. - New York : Freedom House, 1993. — P. 421-424

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993-1994 / General Edition J.Finn. — New York : Freedom House, 1994. — P. 465-468

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994-1995 / General Editor J.Finn. — New York : Freedom House, 1995. — P. 474-477

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995-1996 / General Editor R. Kaplan. — New York : Freedom House, 1996. — P. 390-392

В свою очередь, демократический транзит Молдовы был нарушен из-за конфликта в Приднестровье в 1992 г. и продолжающимися беспорядками, вызванными ухудшающейся экономической обстановкой, что привело к отставке премьер-министра Валерия Муравского в июле 1992, которого сменил Андрей Сангели. Ещё одним вызовом для молдавского правительства являлся «Народный фронт Молдовы» - призывавший к присоединению к Румынии. В совокупности данные факторы привели к тому, что до 1994 г. Молдавия так и не провела демократические выборы, оставаясь с парламентом избранным ещё во времена СССР в 1990 г. и серьёзно «опаздывая» с институционализацией демократических практик по сравнению с другими государствами южной и восточной Европы.

Ключевыми событиями 1994 года стали парламентские выборы, на которых победили партии, выступавшие против воссоединения с Румынией, национальный референдум, на котором подтвердилась независимость страны, принятие новой конституции, которая сократила президентские полномочия. Решая эти вопросы, президент Мирча Снегур стремился к достижению национального консенсуса относительно будущего политического курса страны. Также в 1995 г. благодаря действиям президента М. Снегура удалось мирно разрешить конфликт между Молдовой и «Гагаузской республикой»²³.

Политические противоречия, сопровождающие демократический транзит характерны и для других стран бывшего СССР. Так, Украине встретила свой первый год независимости, столкнувшись с серьезными экономическими проблемами и усилившейся напряженностью внутри государства между различными этническими и языковыми группами. В сентябре 1992 г. давление

---

²³ Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992-1993 / General Edition R.B. McColm. - New York : Freedom House, 1993. — P. 365-367

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993-1994 / General Edition J.Finn. — New York : Freedom House, 1994. — P. 404-407

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994-1995 / General Editor J.Finn. — New York : Freedom House, 1995. — P. 405-408

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995-1996 / General Editor R. Kaplan. — New York : Freedom House, 1996. — P. 339-341

демократической парламентской оппозиции, требующей форсированных экономических и политических реформ, вынудило премьер-министра Витольда Фокина и его кабинет уйти в отставку. Кризис в кабинете министров последовал за несколькими месяцами безрезультатных попыток запустить программу экономических реформ на фоне политической борьбы между радикалами и традиционалистами. Между тем экономика страны продолжала ухудшаться. Президент Украины Леонид Кравчук, в свою очередь, старался балансировать между националистами, демократами и русским меньшинством, не допуская этнических столкновений и политических беспорядков.

Экономический коллапс и политическая нестабильность ознаменовали собой весь следующий 1993 год. Одной из проблем Украины, тормозящей институционализацию демократических практик, являлось отсутствие посткоммунистического парламента (последние парламентские выборы проводились в 1990 г.), в результате чего, когда консервативные силы блокировали отчаянно необходимые экономические реформы, а премьер-министр Леонид Кучма подал в отставку. Парламент принял вотум недоверия всему кабинету и призвал к досрочным парламентским и президентским выборам в марте и июне 1994 года соответственно.

Результаты парламентских выборов 1994 г. привели к политическому тупику и ознаменовали неспособность достичь национального консенсуса по ключевым вопросам. Страна была поляризована в выборе дальнейшей стратегии государственного развития. Восточная, промышленно развитая часть страны, где проживало более 11 миллионов русских, проголосовала в основном за социалистов, коммунистов и аграриев, что свидетельствует о большем тяготении к России и желании вернуться к привычной командной экономике. Центральная и националистическая западная Украина имела тенденцию голосовать за умеренных или бизнес-ориентированных реформаторов. В 1995 году новый президент Леонид Кучма предпринял попытки начать комплексную программу экономических реформ, однако они натолкнулись на бюрократическое и

парламентское сопротивление – из-за чего к концу года приватизация так и осталась незаконченной²⁴.

Первые годы посткоммунистической эпохи в России ознаменовались противостоянием между правительством президента Б. Ельцина (занимал ведущие посты в Коммунистической партии), исполняющим обязанности премьер-министра Е. Гайдаром (член КПСС) и законодательной властью, в которой доминировали бывшие коммунисты-противники реформ. Кульминацией этой борьбы стало смещение парламентом Егора Гайдара, главного архитектора преобразований, на его место был назначен В. Черномырдин (в коммунистическую эпоху занимал должность министра). Политические противоречия и экономические неурядицы составляли центробежную силу, которая вносила нестабильность в политическую систему России, в совокупности с напряжённой межнациональной обстановкой эти факторы тормозили институционализацию демократических практик.

В результате продолжающийся конфликт между парламентом и президентом завершился гражданским противостоянием в 1993 г. Правительственные силы захватили здание российского парламента, сломив сопротивление его защитников, которые скрывались там после того, как Б. Ельцин распустил Верховный Совет в сентябре. 1993 г. был ознаменован ростом нестабильности и центробежными тенденциями внутри государства – вооружёнными волнениями в столице, развитием сепаратизма на окраинах и, после принятия новой конституции, поляризацией законодательной власти между популистами, коммунистами, нелояльными центристскими партиями. В свою очередь, действия президента Ельцина – сомнительный с точки зрения

---

²⁴ Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992-1993 / General Edition R.B. McColm. - New York : Freedom House, 1993. — P. 508-511
Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993-1994 / General Edition J.Finn. — New York : Freedom House, 1994. — P. 561-564
Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994-1995 / General Editor J.Finn. — New York : Freedom House, 1995. — P. 576-581
Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995-1996 / General Editor R. Kaplan. — New York : Freedom House, 1996. — P. 469-472

конституционного права роспуск парламента, введение Конституции, предоставляющей президенту сверхширокие полномочия и деструктивное политическое поведение – являли собой авторитарные наклонности, которые искажали траекторию демократического транзита России. Рост коррупции, организованной преступности и разворачивающаяся война в Чечне также не способствовали укреплению демократических институтов.

В Белоруссии политический кризис разразился в 1993 г. и был ознаменован противостоянием между председателем Верховного Совета Станиславом Шушкевичем и консервативным премьер-министром Вячеславом Кебичем. В 1994 г. С. Шушкевич ушел в отставку, в стране была принята первая посткоммунистическая конституция и прошли президентские выборы, на которых неожиданно победил Александр Лукашенко - слабо образованный бывший директор совхоза без партийной принадлежности, который провел популистскую избирательную кампанию как политик-аутсайдер, обещая подавить коррупцию, остановить инфляцию и заморозить цены на товары.

В Белоруссии в 1994 наметился тренд на сворачивание демократических институтов. Принятый 5 октября закон о политических партиях многие посчитали противоречивым, из-за введения дополнительных административных барьеров для участия в выборах. Также серьёзным препятствием для демократического транзита являлось влияние КГБ, который сохранил контроль за политическими партиями, профсоюзами, гражданскими движениями и другими организациями. Незрелостью демократических институтов Белоруссии воспользовался А. Лукашенко, который, начиная с 1995 г., укрепил свою власть, вновь введя цензуру, запретив независимые профсоюзы, возобновив использование учебников советской эпохи, игнорируя Верховный суд, когда тот отменял президентские указы, и ограничивая права кандидатов на участие в парламентских выборах. Выборы в Верховный совет Республики Беларусь Совет Европы признал нечестными и несправедливыми из-за ограничений на доступ к средствам массовой информации, ведение агитации и ограниченное

финансирование избирательных кампаний. Де факто демократический транзит был остановлен, и Белоруссия начала приобретать черты авторитарного государства²⁵.

В Казахстане демократический транзит был приостановлен ещё на начальном этапе в рамках первых свободных выборов, проведённых ещё в советскую эпоху. Во время выборов в Верховный Совет в 1990 г. оппозиция была ограничена в выдвижении своих кандидатов, большинство избранных депутатов были бывшими членами коммунистической партии. На президентских выборах в декабре 1991 года закон предусматривал, что потенциальные кандидаты должны были собрать 100 000 подписей за короткий предвыборный период, что позволило Нурсултану Назарбаеву избираться без конкурентов (на выборах он получил 98% голосов). Де факто вся полнота власти была сосредоточена в руках президента Н. Назарбаева, который продолжал подавлять инакомыслие, цензурировать прессу и контролировать оппозицию. Прошедшие в марте 1994 г. парламентские выборы не отвечали международным стандартам, согласно заключениям международных наблюдателей²⁶.

Анализируя акторно-ориентированные факторы на этапе институционализации демократических практик можно заключить, что во всех описанных государствах посткоммунистические общества столкнулись с задачей поддержания хрупких демократических завоеваний, противодействуя

---

²⁵ Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992-1993 / General Edition R.B. McColm. - New York : Freedom House, 1993. — P. 122-125

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993-1994 / General Edition J.Finn. — New York : Freedom House, 1994. — P. 143-146

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994-1995 / General Editor J.Finn. — New York : Freedom House, 1995. — P. 130-133

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995-1996 / General Editor R. Kaplan. — New York : Freedom House, 1996. — P. 137-139

²⁶ Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992-1993 / General Edition R.B. McColm. - New York : Freedom House, 1993. — P. 302-304

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993-1994 / General Edition J.Finn. — New York : Freedom House, 1994. — P. 338-340

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994-1995 / General Editor J.Finn. — New York : Freedom House, 1995. — P. 331-334

Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995-1996 / General Editor R. Kaplan. — New York : Freedom House, 1996. — P. 286-288

реакционным течениям, которые распространились в результате дестабилизирующих последствий системной экономической перестройки, развернувшейся этнической вражды, политической поляризации, зарождающегося авторитаризма и действий нелояльного коммунистического аппарата.

Коммунистическая номенклатура, пытаясь вернуть потерянные рычаги управления, использовала наработанные коммуникации, с целью стать новой экономической элитой, стимулируя при этом негодование среди обедневших слоёв населения, которое испытывало затруднения с встраиванием в новую экономическую модель после десятилетий эгалитарного общества. Однако поведение левой оппозиции отличалось в тех или иных странах. Так, в Польше, Словакии, Венгрии на этапе институционализации демократических практик к власти пришла социал-демократическая оппозиция, деятельность которой не повлияла на траекторию демократического транзита, вследствие политической умеренности и продемократических убеждений. Для социал-демократов в Польше, Венгрии, Чехии, Словакии было свойственно поддерживать рыночные реформы, экономическую и политическую конкуренцию и постепенные демократические реформы, в связи с чем исследователи Freedom House ставят знак равенства между ними и аналогичными левыми силами в Западной Европе.

На Балканах политическая ситуация сложилась качественно иным образом. G. Zagusky в своём исследовании демократического транзита в Центральной и Восточной Европе пишет о том, что в Болгарии и Румынии к власти пришли представители «ancien régime» т.н. «номенклатуры», которые не были заинтересованы в укреплении демократических практик и тормозили социально-экономические реформы. Тем не менее, демократический импульс на Балканах обеспечил политическую модернизацию и, хотя утверждение демократических институтов замедлилось (по сравнению с Польшей, Венгрией, Чехией и Словакией), институционализация демократии прошла во многом более успешно, чем странах СНГ.

Одной из причин подобной разницы траекторий демократического транзита был тот факт, что в Восточной Европе и на Балканах, в отличие от стран СНГ экономические трудности были менее болезненными для населения, а конкуренция элит не приводила к дестабилизации политической системы и гражданским конфликтам, вызванными чрезмерной поляризацией политических акторов. Затруднения в институционализации демократических практик испытывали Украина и Россия, в первую очередь, из-за неспособности элит договориться между собой (в том числе и из-за непримиримости левой оппозиции в отношении проводимых реформ) и разочаровании общества в демократических реформах (что нашло отражение в результатах парламентских выборов). В России демократический транзит сопровождался раздробленностью элит и гражданскими конфликтами, которые достигли своего апогея осенью 1993 г. Так, действия Бориса Ельцина Пейдж Салливан - научный сотрудник Центра стратегических и международных Исследований, Вашингтон – в своём исследовании демократического транзита на постсоветском пространстве «демонстрацией авторитаризма».

Украинский реформатор Леонид Кучма также столкнулся с противодействием консервативно настроенного парламента, который был укомплектован весомыми фракциями из коммунистов, социалистов и аграриев. Тем не менее, в период президентства Л. Кучмы стабилизировать политическую систему путём сглаживания языковых и межнациональных противоречий и недопущения серьёзных гражданских конфликтов, происходящих в России и Молдавии. В свою очередь, демократический транзит в Казахстане и Белоруссии был де факто свёрнут политическими элитами при попустительстве гражданского общества.

Разница в траекториях демократического транзита в указанных государствах и развитие в некоторых из них авторитарных тенденций укладываются в парадигмы политологических концепций, согласно которым условием эволюционного развития государств является отсутствие внешних и

внутренних потрясений. Роберт Даль в своём исследовании «Полихархия: участие и оппозиция» утверждал, что, когда классовые расколы и групповые различия переходят в открытую вражду, каждый политический лагерь стремится монополизировать государственную власть с целью получить возможность не дать развиваться требованиям оппонентов – этот паттерн работает против демократии. Подобного рода вражда наиболее остро проявила себя в Российской Федерации в 1993 г. и в несколько меньшем масштабе в Украине и на Балканах²⁷.

Этническая гетерогенность, свойственная описываемым государствам СНГ, а также Румынии и Болгарии, также тормозила институционализацию демократии. Американские учёные Э. Рабушка и К. Шепсле в своей работе «Политика в плюральных обществах» отстаивали точку зрения, что неоднородные общества более склонны к конфликту и менее способны вырабатывать компромиссы, которые являются неотъемлемой чертой демократической практики²⁸.

В свою очередь, фактором, который обеспечил успех институционализации демократических практик в Польше, Чехии, Словакии и Венгрии, являлось «совпадение интересов» правящей элиты и наличие чувства единства, основанного на «общем отношении к системе ценностей центра» - их важность для укрепления демократии описывал А. Лейпхарт в своём исследовании «Демократия в многосоставных обществах – сравнительное исследование». Для балканских стран и государств СНГ в 1990-ых, напротив, характерна поляризация элиты и раскол на «крайних реформаторов» и реакционно настроенных выходцев из коммунистической «номенклатуры»²⁹.

---

²⁷ Демократизация : учеб. Пособие / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 59, 155

²⁸ Демократизация : учеб. Пособие / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 431

²⁹ Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование/ А. Лейпхарт. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 56

1.3. Консолидации демократии: дилеммы и угрозы

Оптимальный путь для демократического транзита – переход к консолидированной демократии. Новая демократия становится консолидированной, когда она начинает удовлетворять критериям вполне состоявшейся или либеральной демократии: верховенство закона, ясное разделение властей, энергичное и независимое от государства гражданское общество, демократическая конституция и конституционализм, плюрализм политических акторов и институтов, безусловное уважение прав человека и политических прав, а также свобода средств массовой информации и политической ассоциации. Помимо этих требований новая демократия должна удовлетворять минимальным критериям свободных честных и соревновательных выборов с участием многих партий, а также успешной консолидации политических и правовых институтов. Наконец, абсолютное большинство граждан должно поддерживать демократические правила и принципы как наилучшие в своём роде³⁰.

На завершающем этапе демократического транзита позитивные тренды были зафиксированы в описываемых странах восточной и южной Европы. Румыния и Болгария, долгое время остававшиеся отстающими в социально-экономическом и политическом плане от своих более процветающих и демократических соседей Вышеградской группы (Польша, Венгрия, Чешская Республика и Словакия), показали положительную динамику консолидации демократических институтов. В 1996 на парламентских и президентских выборах победили кандидаты от оппозиционной «Румынской демократической конвенции», отстранив от власти социал-демократическую партию Румынии (в которую входило множество бывших коммунистов) и её лидера Иона Илиеску. В том же году на президентских выборах в Болгарии победу одержал

---

³⁰ Демократизация : учеб. Пособие / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 528-529

правоцентристский кандидат Пётр Стоянов, одолев своего соперника от «Болгарской социалистической партии» Ивана Маразова³¹.

Затруднения при консолидации демократического режима испытывала Словакия, где развернулась драматическая политическая борьба между премьер-министром Владимиром Мечьяром и президентом Михалом Ковачом. Ряд законов и ограничений были сочтены США и Европой препятствующими демократическому развитию Словакии, однако экономика Словакии продолжила впечатляющий рост и демонстрировала самые низкие темпы инфляции в Восточной и Центральной Европе, что сглаживало остроту политических противоречий³².

Ещё большие затруднения в рамках демократического транзита настигли государства СНГ. Через 5 лет после распада Советского Союза большинство государств СНГ так и не смогли начать консолидацию демократического режима, а их политические системы аналитик Freedom House Alexander Motyl характеризует как «беспорядочные». После волны оптимизма, нахлынувших описываемые государства в 1989-1991 гг. энтузиазм элит и гражданского общества относительно построения демократии несколько снизился. Из-за трудностей в преодолении «тоталитарного наследия» реформы не имели стратегического плана, а сами перемены протекали чересчур медленно, по сравнению с западными соседями. В то время как большинство государств Восточной Европы и Балтии были «свободными», согласно рейтингу Freedom House, уже с начала 1990-х годов, страны СНГ к 1996 г. оставались или «несвободными» (Беларусь, Казахстан,) или «частично свободными» (Украина, Молдова), при чём их показатели не изменялись в течение нескольких лет, что даёт основания утверждать о «заморозке демократического транзита» и

---

³¹ Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1996-1997 / General Editors R. Kaplan, G. Szamuely. — New York : Freedom House, 1997. — P. 32-41

³² Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1996-1997 / General Editors R. Kaplan, G. Szamuely. — New York : Freedom House, 1997. — P. 446-449

фиксации положения демократических институтов или на уровне недемократических государств, или «электоральных демократий».

Западные наблюдатели ставят в вину постсоветским элитам нехватку политической воли и отсутствие фундаментальных изменений. Также одной из причин неудач демократического транзита называется институциональное наследие, унаследованное от Советского Союза, которое препятствует желаемым изменениям и склоняет политических лидеров к нежелательным формам политического и экономического поведения. Данное наследие выразилось в наличии на постсоветских государствах полуофициальных «преемников» тоталитарных советских институтов – Коммунистической партии и КГБ, выходцы из которых частично сохранили свои властные позиции. В свою очередь, восточные европейцы - поляки, чехи, словаки, венгры, болгары и румыны - были наиболее автономными, обладая готовыми элитами, армиями, полицией, судами и бюрократией. Многие из них также обладали элементами гражданского общества (церкви), рынка, подпольными СМИ, политическими движениями и т.п.

Казахстан и Беларусь отставали во всех отношениях. Их политические системы наименее открыты, их экономики наименее инклюзивны, а их правящие элиты наиболее склонны к клановой авторитарной политике. Alexander Motyl указывал на тот факт, что в Белоруссии (наряду с Туркменистаном и Узбекистаном) сложился «культ личности». Украина и Молдова достигли большего прогресса на пути к демократии, однако они также продолжают сталкиваться с огромными проблемами экономического и этнополитического характера.

Наиболее актуальной задачей, стоящей перед всеми данными государствами в 1990-ых гг., является скорее государственное строительство, а не демократизация и экономические реформы. Подлинная демократия и подлинная рыночная экономика, как кластеры консолидированных институтов, требуют политической базы - эффективного административного аппарата и

качественной элиты, что, как описывалось выше, было слабой стороной всех описываемых государств.

Ещё одной уязвимой чертой политических режимов постсоветских государств, которая препятствовала консолидации демократии была неразвитость гражданского общества. Постсоветские государства отличались склонными к авторитаризму президентами и неразвитой парламентской системой в условиях доминирования политических клик. Демократические институты в странах СНГ оставались аморфными аренами борьбы за власть и богатство между различными политическими кланами. Подобного рода деятельность политических акторов свойственна для «незападных обществ», демократия которых далека от того, чтобы её можно было бы определить как «консолидированную», согласно концепции Л. Пая.³³ Тем самым, несмотря на тот факт, что слабые институты и манипулируемые выборы являлись существенным прогрессом для постсоветских государств, по сравнению с тоталитарным прошлым, демократические реформы были «поглощены» нечестной политической конкуренцией с участием клик, мафиозных структур, бывших коммунистических аппаратчиков, региональных лидеров и других политических акторов, тормозящих демократический транзит³⁴.

Республика Молдова, Украина и Россия столкнулись с проблемой этнополитических конфликтов, которые раскалывали государственную и политическую системы. Молдова столкнулась с двумя регионами, вставшими на путь сепаратизма – Приднестровьем и Гагаузией. Украинское руководство, в свою очередь, не достигло консенсуса относительно требований крымских татар и этнических русских на юго-востоке страны об автономии. Сепаратистские тенденции в Молдове и противоречия между «западной» и «восточной»

---

³³ Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / А. Лейпхарт. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 17-19

³⁴ Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1996-1997 / General Editors R. Kaplan, G. Szamuely. — New York : Freedom House, 1997. — P. 26-32

Украиной создавали препятствия для консолидации демократических институтов.

Беларусь же, согласно соображениям Фионы Хилл, заместителя директора проекта по укреплению демократических институтов в Гарвардской школе государственного управления имени Джона Ф. Кеннеди, заморозила демократических транзит и вернулась в советское прошлое. Экономические реформы не проводились, а робкие попытки демократизации, проводимые после обретения независимости были пресечены после избрания президентом страны А. Лукашенко. Помимо Беларуси, авторитарные тенденции получили наибольшее развитие в Казахстане, где президента Н. Назарбаев также свернул демократический транзит³⁵.

В России демократический транзит был также затруднён из-за поведения политических акторов. Российское государство 1990-ых гг. действовало в интересах небольшой группы бизнес-элит, игнорируя потребности и предпочтения граждан. Плюралистические институты были слабы, группы интересов маргинальны, а институты, которые могли бы помочь исправить данный дисбаланс, например, сильный парламент или независимая судебная система – отсутствовали. В этих условиях выборы приобретали всё более «ритуальный» характер, не оказывая должного влияния на траекторию государственного развития. В наибольшей степени это проявилось на выборах президента в 1996 г., на которых Бориса Ельцина, несмотря на его слабое здоровье, поддержала наиболее влиятельная часть бизнеса и медиаэлиты. Аналитик Freedom House Michael McFaul указывает на тот факт, что в течение своей избирательной кампании Б. Ельцин грубо нарушил ограничения на финансирование избирательных кампаний, СМИ вместо освещения программы кандидатов занимались откровенной пропагандой, а в национальных республиках были зафиксированы многочисленные нарушения. В результате

---

³⁵ Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1997-1998 / General Editor R. Kaplan. - New York : Freedom House, 1997. — P. 27-35, 306-309

чего Россия 1990-ых была названа Майклом Макфолом «демократией без консолидации»³⁶.

Таким образом, по итогам демократического транзита среди исследуемых автором государств, к консолидированным демократиям пришли – Польша, Венгрия, Чешская республика и Словакия. К Электоральным (или неконсолидированным) демократиям, которые удовлетворяют минимальным критериям демократичности можно отнести Румынию, Болгарию, Молдавию и Украину. Неудачу по итогам демократического транзита потерпели Белоруссия, Казахстан и Россия. Данные выводы автора подтверждаются оценками аналитиков Freedom House, политологов, специализирующихся на проблемах демократизации и данными политических исследований.

Подобного рода дифференциацию в итогах демократического транзита географически, цивилизационно и исторически близких государств отчасти можно объяснить разницей в подходах политических акторов при осуществлении демократических реформ. Среди акторно-ориентированных факторов успеха демократических преобразований в Польше, Венгрии, Чехии и Словакии можно выделить:

- Ненасильственное свержение коммунистических правительств на этапе либерализации;
- Занятие высших государственных должностей на этапе либерализации политического режима выходцами из диссидентских движений, а не коммунистической номенклатуры
- Широкая поддержка демократических реформ со стороны общественных сил, выражающаяся в приведении к власти на первых свободных выборах сторонников реформ и отказе населения, в большинстве своём, поддержать нео-коммунистических политических акторов

---

³⁶ Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1996-1997 / General Editors R. Kaplan, G. Szamuely. — New York : Freedom House, 1997. — P. 14-26

- Проведение демократических реформ в условиях отсутствия серьёзной политической турбулентности и относительной стабильности в сфере экономики и международных отношений, что, в свою очередь, обуславливало отсутствие социальных страт, «выпадающих» из новой политической системы и пополняющих ряды радикальной оппозиции новому режиму

- Консенсус среди элит и гражданского общества относительно недопущения центробежных тенденций и приобретения политической конкуренцией формы гражданского конфликта

- Решительность и единство политических сил относительно необходимости и благотворности проведения скорейшего перехода к демократическому политическому режиму и рыночной экономике

Демократический транзит на Балканах и в Украине, в свою очередь, не удовлетворял большинству указанных требованиям. Среди акторно-ориентированных причин неудачи построения консолидированной демократии в Румынии, Болгарии, Молдове и Украине можно выделить не всегда мирный приход к власти реформаторов, засилье пост-коммунистической «номенклатуры» и общая неэффективность государственного аппарата, наличие социальных и межэтнических конфликтов и влиятельных реакционно настроенных политических сил в национальном парламенте. Помимо указанных акторно-ориентированных факторов к причинам неудачи демократического транзита можно добавить отсутствие консенсуса среди элит о необходимости демократических преобразований – в Белоруссии и Казахстане и перетекание политической конкуренции в гражданское противостояние – в России.

ГЛАВА 2 УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА: МАРКЕРЫ КВАНТИФИКАЦИИ

2.1 Институциональные формы демократического транзита

В предыдущей главе автором было определено, что описываемые государства по итогам демократического транзита пришли к трём различным моделям - консолидированной демократии (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия), электоральной демократии (Румыния, Болгария, Молдова, Украина), гибридным режимам с разной степенью авторитаризма (Белоруссия, Казахстан, Россия). Данное утверждение подтверждается данными индекса Polity IV. В этом индексе три аспекта демократии разбиваются на шесть субкомпонент, или «компонентных переменных», служащих индикаторами для кодирования. Само кодирование опирается на исторические источники, включая конституции стран, а также на академические публикации экспертов по странам³⁷.

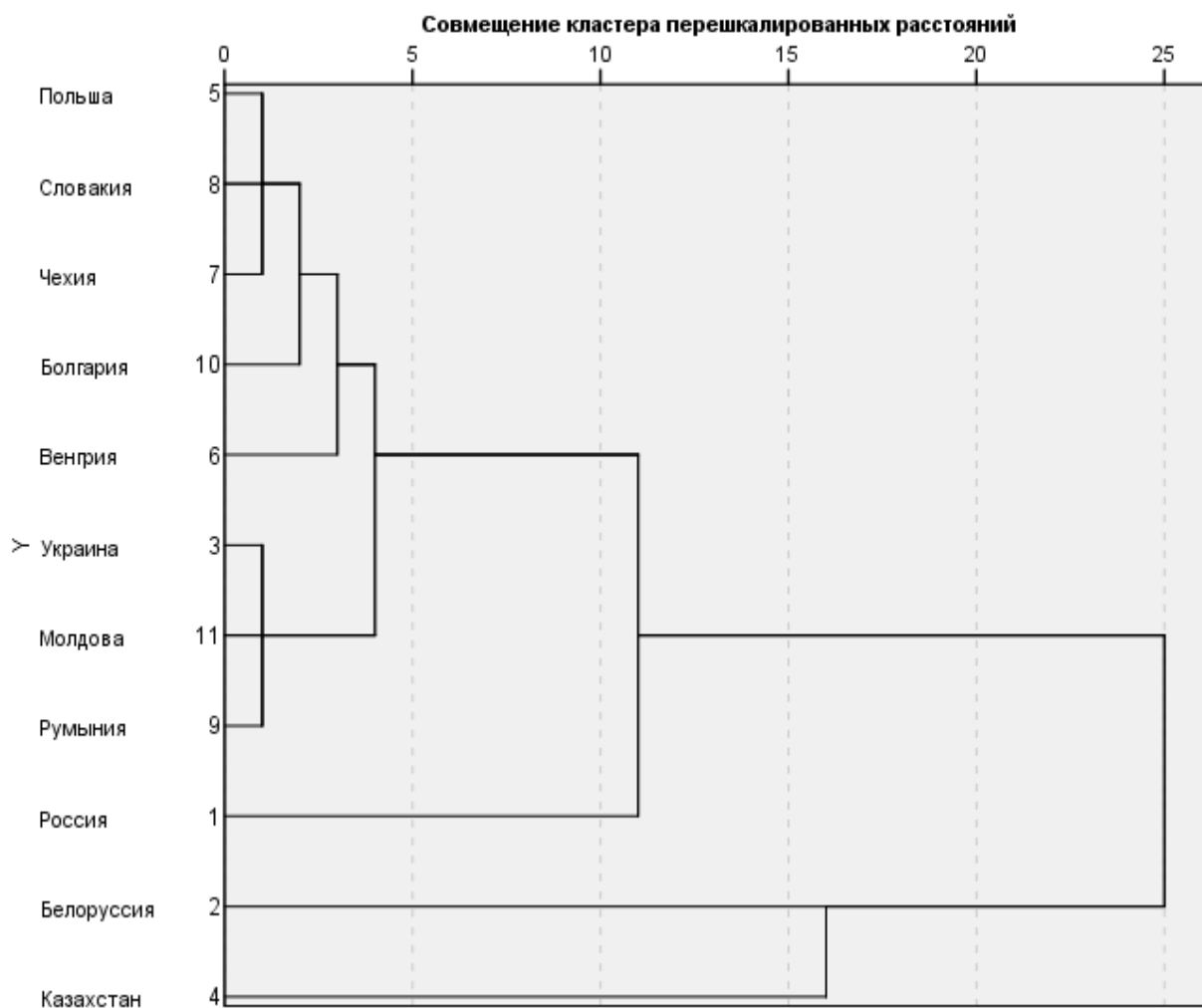
Для группирования описываемых государств относительно показателей индекса Polity IV за период с 1990 по 2001 годы автором был использован метод иерархического кластерного анализа, который представляет собой набор алгоритмов разбиения совокупности объектов на кластеры и позволяет организовать данные в наглядные «древовидные» структуры, или дендрограммы.³⁸ По итогам кластеризации показателей демократичности государств Восточной Европы автор получил следующую дендрограмму:

---

³⁷ Демократизация: учеб. Пособие / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 83

³⁸ Ахременко, А.С. Политический анализ и прогнозирование. В 2 ч. Часть 2: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / А.С. Ахременко. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – С. 203-212
Ахременко, А. С. Политический анализ и прогнозирование : учеб. пособие / А. С. Ахременко. — М.: Гардарики, 2006. — С. 146-153

Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей

Рис. 1 Классификация стран по данным индекса *Polity IV*

Анализируя полученные данные, автор находит подтверждение указанной оценке траектории политического развития изучаемых стран Восточной Европы и СНГ. Так, можно выделить несколько кластеров: первый (Польша, Словакия, Чехия, Венгрия) – консолидированные демократии и наивысшими показателями индекса демократии *Polity IV*, второй (Румыния, Молдова, Украина) – электоральные демократии и отдельно стоят страны с неудавшимся демократическим транзитом – Россия, Белоруссия и Казахстан (присоединение Болгарии к первому кластеру автор связывает с погрешностью индекса). При этом можно заметить, что Белоруссия и Казахстан на определённом этапе кластерного анализа группируются в кластер авторитарных государств, а страны

Восточной и Южной Европы в единый кластер демократических государств, Россия 1990-ых при этом не присоединяется ни к тем, ни к другим.

Так, согласно рейтингу институциональных характеристик политических режимов Polity IV, наиболее демократическими государствами в 1990-ых годах являлись Польша, Венгрия, Чехия и Словакия, авторитарными – Белоруссия и Казахстан, смешанными и гибридными режимами – Россия, Украина, Молдова, Румыния и Болгария, что повторяет выводы предыдущей главы. Тем не менее, на процесс демократического транзита, помимо акторно-ориентированных, также оказывают влияние структурно-ориентированные факторы.

Структурно-ориентированный подход к изучению динамики демократического транзита исходит из тезиса о том, что возникновение институтов политической демократии является результатом определенных «объективных» процессов и предпосылок. Демократия успешно возникает как оформление результатов иных социальных и экономических процессов. Эти так называемые «структурные» процессы и предпосылки имеют разную природу и относятся к историческим, социально-классовым и социально-экономическим факторам, особенностям нациообразования и государственного строительства, типу политической культуры, особенностям экономического развития, степени гомогенности или фрагментированности общества и др. Главное в том, что эти предпосылки имеют историческую природу, они объективны и не зависят от конкретных решений и действий политических акторов. Соответственно, отсутствие этих условий и предпосылок задает ограничения и «потолки» возможного демократического строительства³⁹. Среди них выделяются политические и общегосударственные структурные факторы, оказавшие влияние на итоги демократического транзита в посткоммунистических государствах.

---

³⁹ Мельвиль, А.Ю. Условия демократии и пределы демократизации Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа / А.Ю. Мельвиль, Д.К. Струкал // Полис - 2011. - № 3(123). – С. 164-183

Согласно концепции Скотта Мейнваринга, которую тот изложил в своём труде «Президентское правление, многопартийность и демократия: трудное сочетание», выбор политических институтов имеет важное значение. Институты создают положительные или отрицательные стимулы для политических субъектов, обуславливают идентичность действующих субъектов, формируют контекст, в котором вырабатывается политический курс, благоприятствуют либо препятствуют строительству демократических режимов. Но самое важное при выборе институтов - решить, какой быть системе правления: президентской, полупрезидентской, парламентской или смешанной. С. Мейнваринг критиковал президентскую форму правления. Президентские системы демонстрируют меньшую гибкость в кризисных ситуациях, так как попытки отстранить президента от власти способны легко потрясти всю систему. Вторым недостатком президентской формы правления - высокая вероятность взаимоблокирования в отношениях между законодательными и исполнительными органами. Также оборотной стороной прямых выборов главы государства является вероятность избрания политического аутсайдера, обладающего недостаточным опытом работы с парламентом. Тем самым, необходимо отметить, что для успешного демократического транзита необходимо построение сильного и политически субъектного парламента⁴⁰.

Важность институционального дизайна на начальном этапе демократизации также подчёркивал Роберт Даль, который своё исследование реальной демократии начинает с оценки институтов, утверждая, что определение «демократия» применяется не только к идеалу, но и к реально существующей политической системе и соответствующего ей набора институтов⁴¹.

Тем самым, качество политических институтов, как продуктов общественных взаимоотношений и других социальных структур, объективно

---

⁴⁰ Mainwaring, S. Presidentialism, Multipartyism, and Democracy: the Difficult Combination // S. Mainwaring // Comparative Political Studies. – 1993. - № 2 (26). – P. 198-228.

⁴¹ Даль, Р. О демократии/ Р. Даль. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 83-85

существующих в тех или иных государствах, оказывают непосредственное влияние на уровень демократии, что подтверждается фактом корреляции и множеством политологических исследований.⁴² Для измерения «качества» национальной легислатуры, как было определено выше, важнейшего политического института во время демократического транзита, автор использует Индекс власти парламента (Parliamentary Power Index – PPI), разработанный на основе масштабного исследования полномочий национального парламента. Баллы в этом индекса колеблются от 0 (парламент не обладает властью) до 1 (вся власть находится в парламенте). При помощи PPI можно протестировать, как сила парламента влияет на вероятность срыва демократии⁴³.

Стивен Фиш, профессор политологии университета Беркли, в своём исследовании «Чем сильнее легислатуры, тем сильнее демократии» изучал, как соотносятся PPI и рейтинг Freedom House всех посткоммунистических государств в Европе и СНГ. На представленном графике (рис. 2) можно заметить, что страны с наиболее влиятельным парламентом достигли больших успехов в построении демократического политического режима, чем государства, где большая часть власти сосредоточена в руках президента, а парламент выполняет скорее декоративные функции. При этом Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, а также Румыния, Болгария и Молдавия определены как страны, обладающие более «сильным» парламентом, чем Россия, Белоруссия и Казахстан. Украина, в свою очередь, находится «посередине» между двумя «кластерами» - стран Вышеградской группы, Балкан с «властным» парламентом и членов СНГ, с «бесправным» парламентом⁴⁴.

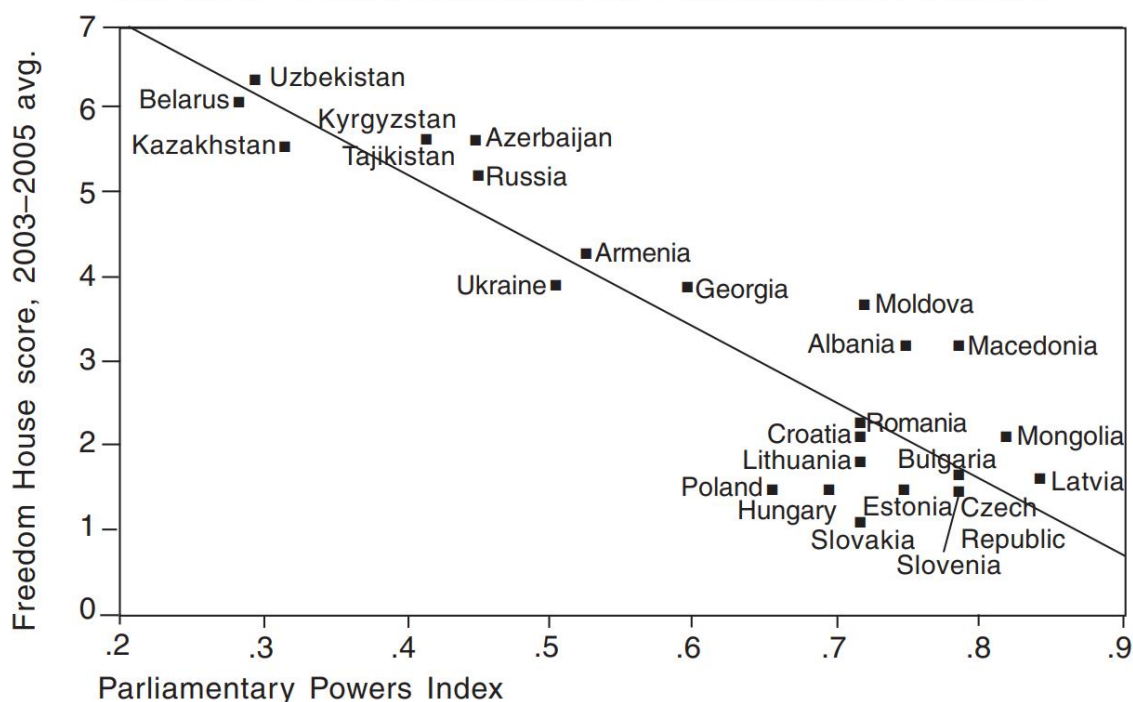
⁴² Мельвиль, А.Ю. Условия демократии и пределы демократизации Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа / А.Ю. Мельвиль, Д.К. Струкал // Полис политические исследования. - 2011. - № 3 (123). – С. 164-183

⁴³ Демократизация: учеб. Пособие / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 32

⁴⁴ Fish, M. St. Stronger legislature, stronger democracies / M.S. Fish // Journal of Democracy. – 2006. - №1 (11). - С. 5-20

FIGURE 1—DEMOCRATIZATION AND PARLIAMENTARY POWERS

Рис. 2 PPI и рейтинг Freedom House

При этом автором был проведён корреляционный анализ среди выборки описываемых государств, между показателем PPI и индексом Polity IV в 2001 г., на момент окончания демократического транзита и политической динамики, в целом, что охарактеризовалось фиксацией сложившегося политического режима в каждом государстве. Для проведения корреляционного анализа автор использовал коэффициент корреляции Карла Пирсона, который вычисляется по следующей формуле:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{(n - 1)s_x s_y}$$

где x_i и y_i — значения двух переменных, $\bar{x}$ и $\bar{y}$ — их средние значения, s_x и s_y — их стандартные отклонения; n — количество пар значений⁴⁵.

По итогам расчетов коэффициент корреляции составил 0,9, что свидетельствует о наличии сильной статистической связи между индексами PPI и Polity IV в описываемых государствах. Тем самым, можно зафиксировать, что

⁴⁵ Ахременко, А. С. Политический анализ и прогнозирование: учеб. пособие / А. С. Ахременко. — М.: Гардарики, 2006. — С. 122

наличие сильных представительских институтов в странах Вышеградской группы и в балканских государствах, являлось значимым структурно-ориентированным фактором, который повлиял на процесс становления и укрепления демократического режима в этих странах. С другой стороны, слабый парламент в Украине, Российской Федерации, Белоруссии и Казахстане, наоборот, затруднил транзит к демократии.

Вторым структурным фактором укрепления демократического режима является влияние тоталитарной коммунистической идеологии среди элит и гражданского общества. Мартин Липсет в своём исследовании «Политический человек» обосновывал точку зрения, согласно которой для укрепления демократического режима необходимо отсутствие крупных политических движений, противостоящих либеральной демократии. Для успешного демократического режима необходимо, чтобы политические силы не воспринимали демократию, как нелегитимное образование, а секторы низших слоёв не обнаруживали, что их извечные ожидания далеки от удовлетворения. Тем самым, огромное значение приобретает фактор лояльности масс по отношению к таким свежеепеченным демократическим режимам, которые могут сделать очень немногое для достижения утопических целей, поставленных оппозицией реформаторам, а также сохранение властных позиций центристскими политическими силами, не допускающими на политическое поле радикалов⁴⁶.

Об опасности сведения на нет демократических преобразований со стороны реакционно или радикально настроенной части политической элиты также писал Аренд Лейпхарт в своём исследовании «Демократия в многосоставных обществах, сравнительное исследование». Согласно концепции А. Лейпхарта, для успешного построения демократии необходимо сотрудничество (консоциация) между элитами, выраженная в стремлении к

---

⁴⁶ Липсет, М. Политический человек: социальные основания политики/ М. Липсет. – М: Мысль, 2016. – С. 55, 92, 169

достижению политического согласия. И напротив, глубокие социальные различия и политические противоречия в многосоставных обществах считаются причиной нестабильности и провалов демократий. Политическая конкуренция, по Лейпхарту, должна уравниваться «центробежными тенденциями» - установками на взаимодействие и соответствующим поведением политических лидеров⁴⁷.

Для элиты Балканских государств и стран СНГ характерным являлся раскол элиты на «крайних реформаторов» и реакционно настроенных выходцев из коммунистической «номенклатуры». Однако, по Липсету, структурный характер фактор наличия в политической сфере общества антидемократически настроенных политических сил приобретает, когда находит приемлемой коммунистическую идеологию 1/5 часть политически активного населения. Тем самым, согласно концепции М. Липсета, для успешного демократического транзита необходимо, чтобы коммунистические партии не набирали на выборах 20% голосов и более⁴⁸. При этом социал-демократические и умеренно левые партии автор не относит к реакционно настроенным силам – как говорилось выше, исследователи Freedom House ставят знак равенства между ними и аналогичными левыми силами в Западной Европе.

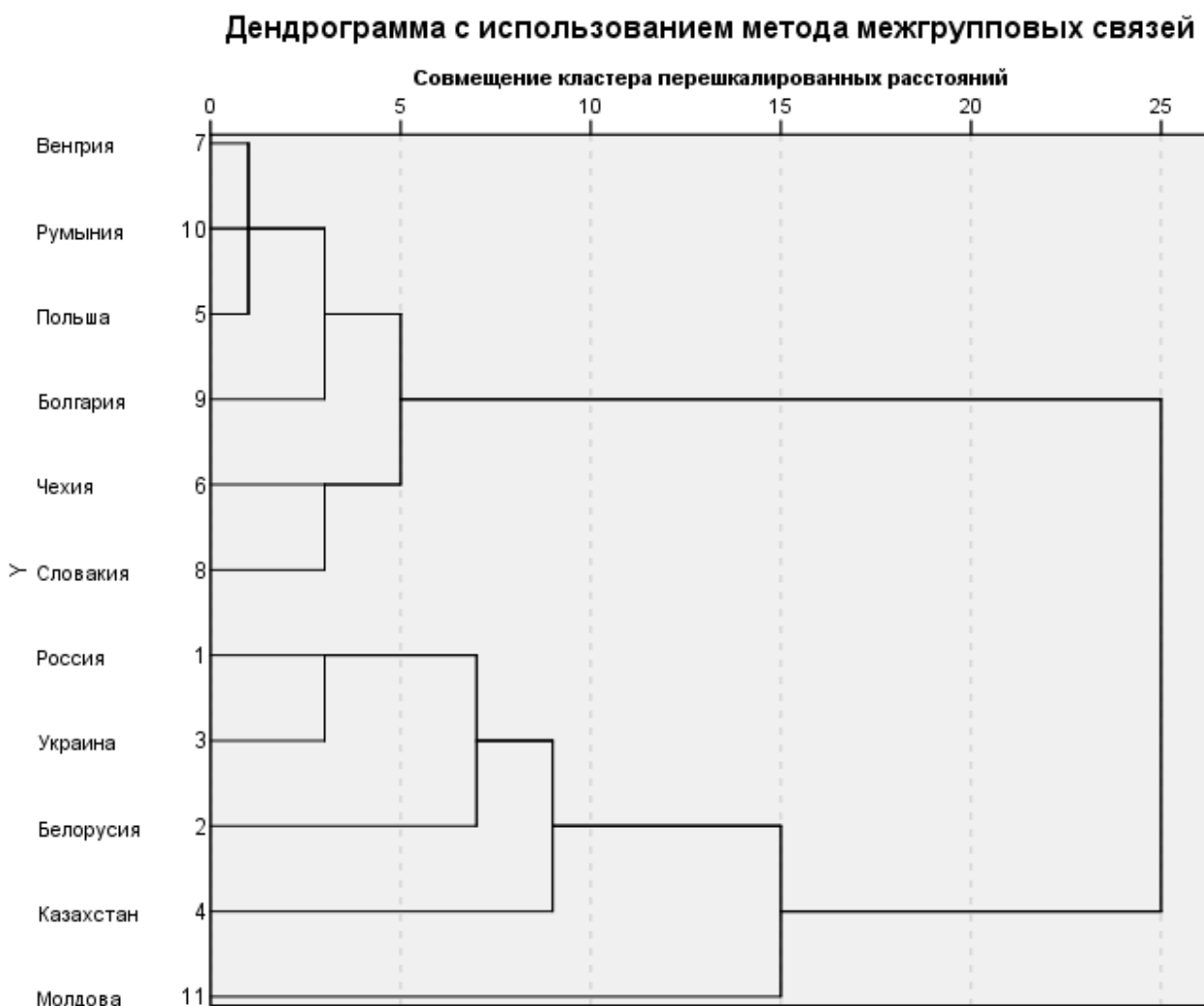
Для проведения кластерного анализа были взяты результаты выборов в нижние палаты национального парламента каждой изучаемой страны, начиная с первых свободных выборов (для стран СНГ с первых выборов в статусе независимого государства) и заканчивая шестым созывом. В случае, если коммунистические партии получили 20% голосов или более стране присваивалось значение 1, если коммунистические партии не набрали 20% голосов, но прошли в парламент – 0,5, если же они в парламент не прошли, им присваивалось значение – 0. При этом в Чехии и Словакии первыми свободными

---

⁴⁷ Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование/ А. Лейпхарт. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 35-36

⁴⁸ Липсет, М. Политический человек: социальные основания политики/ М. Липсет. – М: Мысль, 2016. – С. 55

считались выборы в местные парламенты в 1990 г. Итоги кластерного анализа иллюстрирует следующая дендограмма.

Рис. 3 Результат кластеризации государств по влиятельности некоммунистических политических сил

Интерпретируя полученные данные можно выделить 2 масштабных кластера – первый, страны входящие в который характеризуются слабым влиянием реакционных сил (Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, Чехия, Словакия), второй, страны в него входящие испытывали негативное влияние фактора наличия влиятельных коммунистических партий (Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан, Молдова). При этом необходимо отметить, что Россия, Украина и Белоруссия являлись единственными государствами, более 20% населения которых поддерживало коммунистические партии. Данный факт в

некоторой степени обусловил неудачи демократического транзита в странах СНГ, ведь, если сравнить кластеры «демократичности», и кластеры наличия в парламенте влиятельных некоммунистических партий, что можно заметить, что Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан являются одновременно странами, испытывающими наибольшие трудности на протяжении демократического транзита и странами с наиболее влиятельными коммунистическими силами.

Качество политических институтов и степень влияния оппозиции, радикально настроенной по отношению к демократическому транзиту, подводят нас к следующему фундаментальному структурному фактору, обуславливающему вектор динамики политического режима. Речь идёт об общей стабильности государства.

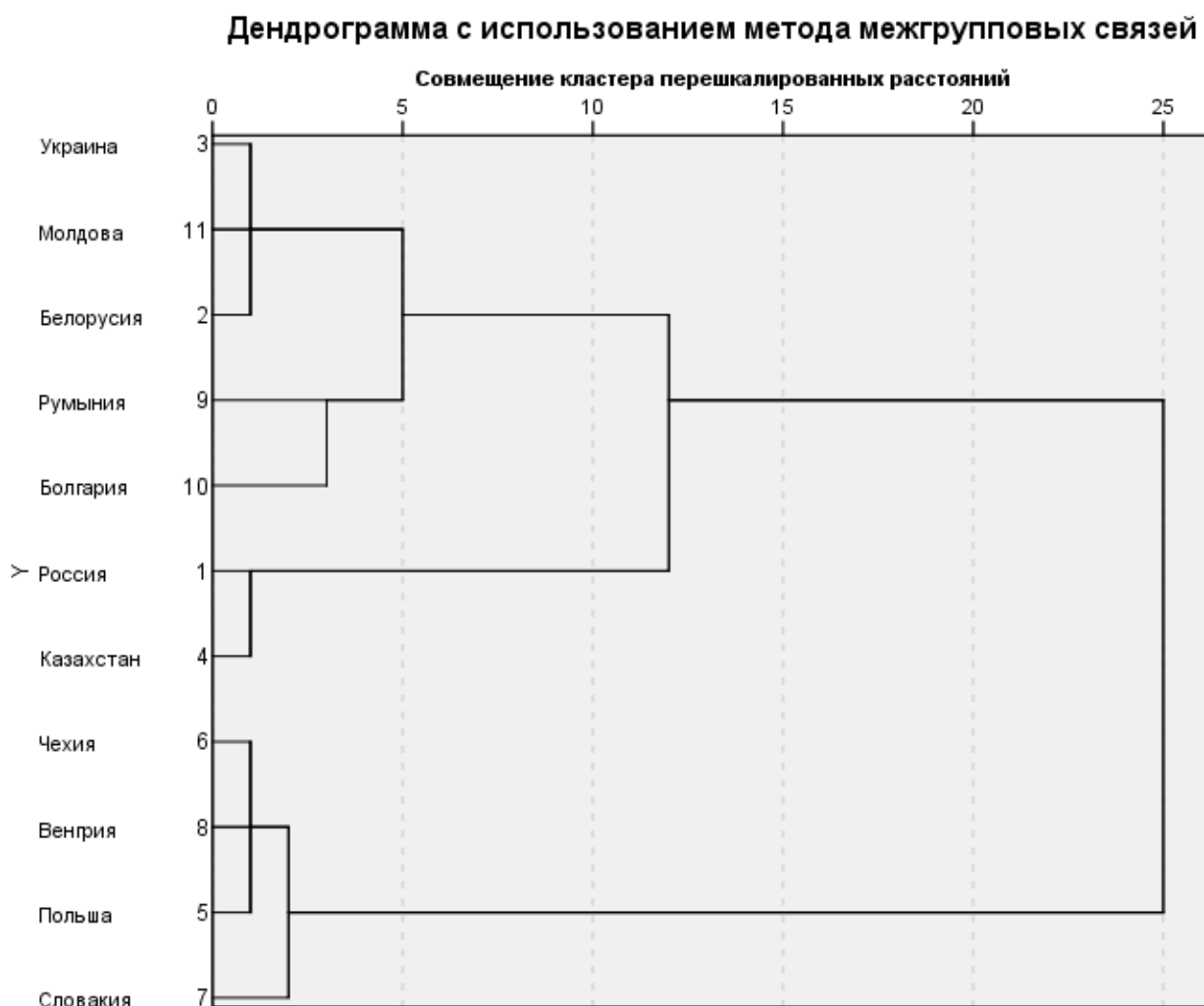
Профессор политических наук Марбургского университета имени Филиппа (Германия) Дирк Берг-Шлоссер в своём исследовании «Длинные волны и развилки демократизации» описывал структурные факторы, оказывающие влияние на укрепление политического режима отмечал, что для демократии благоприятны культурная, лингвистическая, религиозная однородность, отсутствие сильных антисистемных сил, как левых, так и правых, фундаменталистских групп, а также отсутствие высокого уровня политической нестабильности в целом⁴⁹. Данное утверждение поддерживает Ларри Даймонд, который отмечал, что либеральные демократические государства, помимо прочего, должны быть и являются конституционными демократическими государствами. Отсутствие конституционного духа, понимания центральной роли конституционной стабильности – «слабое место» многих нелиберальных демократических государств «третьей волны» в посткоммунистическом мире и в странах «третьего мира»⁵⁰.

---

⁴⁹ Демократизация: учеб. Пособие / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 109

⁵⁰ Diamond, L. Developing Democracy: Toward Consolidation /L. Diamond. - London: The Johns Hopkins Univ. Press, 1999. – P. 367

Для измерения уровня общегосударственной стабильности автор использует «Индекс хрупкости государств» (или индекс «недееспособности») государств, State Fragility Index – SFI), где наибольшее значение индекса соответствует наиболее нестабильным государствам. По итогам кластеризации данных автор получил следующую дендограмму:

Рис. 4 Индекс хрупкости государств

Анализируя данные SFI и полученную дендограмму можно выделить, с одной стороны два масштабных кластера. Первый кластер – «стабильные государства», в который входят Чехия, Польша Венгрия и Словакия (как было определено ранее «консолидированные демократии»), второй кластер – нестабильные государства: Россия, Казахстан, Белоруссия, Украина, Румыния, Болгария, Молдова («электоральные» демократии и авторитарные режимы). При

этом кластер нестабильных государств можно дополнительно разбить на 2 «подкластера» - первый, государства наиболее подверженные внутренним конфликтам (Казахстан и Российская Федерация), второй – «умеренно нестабильные» государства (Белоруссия, Украина, Румыния, Болгария).

Таким образом, автор заключает, что политические и общегосударственные структурно-ориентированные факторы демократического транзита оказали существенное влияние на институционализацию и консолидацию демократического режима в изучаемых государствах. Одними из причин успеха построения демократии в странах вышеградской группы являются качественные политические институты, отказ населения поддержать некоммунистические реакционные силы на парламентских выборах и «конституционная стабильность», присущая данным государствам, благодаря этнической и религиозной однородности. В свою очередь, менее успешные на поприще построения демократии государства, наоборот, характеризуются слабым парламентом, высокой степенью влияния леворадикальных политических сил и общей нестабильностью данных государств, вызванной социальными, религиозными и межнациональными конфликтами, которые в некоторых государствах приводили к развитию сепаратистских тенденций и вооружённым конфликтам, что затрудняло успешное разворачивание демократического транзита.

2.2 Уровень благосостояния как гарантии против реверса демократии

Итоги демократического транзита во многом обусловлены не только состоянием политических или государственных структур (расклад сил в парламенте, «конституционная стабильность» и т.д.), но и экономическим положением в стране и особенностями социальной структуры общества. Согласно главному утверждению теории модернизации экономическое развитие и демократизация связаны с наступлением эпохи Современности. Политолог,

преподаватель политических наук и международных отношений Университета Абердина Патрик Бернхаген утверждал что, как только общество достигает достаточного уровня богатства, технологического развития, образования, бюрократизации и развития индивидуальных социальных и политических навыков, граждане разочаровываются в патерналистской политической системе и требуют расширения своих политических прав. Это ведёт к ослаблению традиционных политических институтов и в конечном счете к демократизации. С этой точки зрения главная движущая сила распространения демократии – развитие капитализма.

Действительно, исторически сложилось, что периоды успешного функционирования рыночных экономик ведут к росту требований демократизации. И если государства, недавно ставшие демократическими, продолжают преуспевать в экономике, демократия в них, скорее всего, сохранится. По словам Сеймура Мартина Липсета: «Чем богаче страна, тем больше шансов, что она будет развиваться по демократическому пути». Такой подход приписывает капитализму ключевую роль в глобальном расширении демократии, поскольку представляется, что никакая другая социально-экономическая система не способна обеспечить производство общественных благ на том же уровне⁵¹.

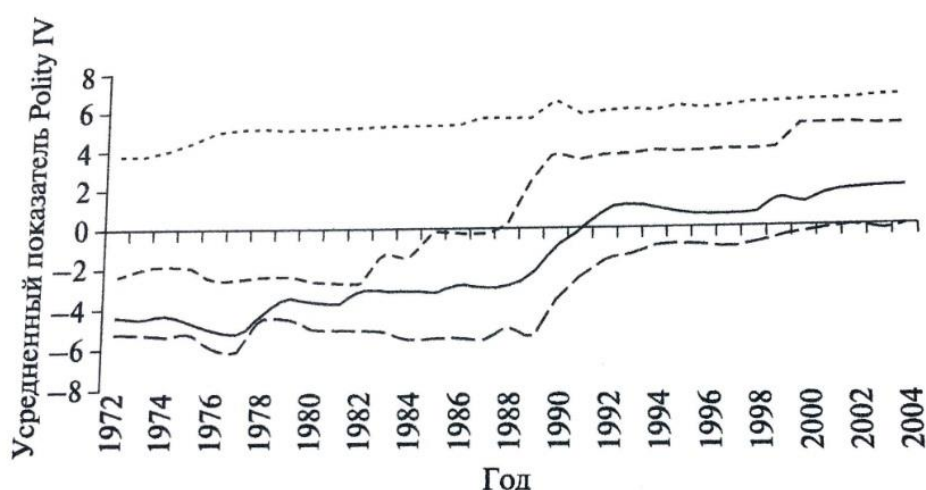
Одним из наиболее признанных способов обобщения стран по уровню экономического развития является показатель валового национального дохода на душу населения. Как писал Джон Маркофф, профессор социологии, истории и политических наук Университета Питтсбурга, уровни развития демократии и наблюдаемые тренды при изучении волн демократизации значительно изменяются в зависимости от уровня богатства: наиболее богатые страны вошли в 1970-е годы в группу наиболее демократических стран, беднейшие страны в – группу наименее демократических стран, а страны между этими крайними

---

⁵¹ Демократизация: учеб. пособие / сост. и науч. ред. К. В. Харпфер, П. Бернхаген, Р. Ф. Инглхарт, К. Вельцель. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — С. 206-209

позициями по уровню ВНД на душу населения также оказались между крайними позициями по уровню развития демократии. Ещё он обнаружил, что демократизация происходила при любом уровне ВНД на душу населения, хотя для группы стран с «низким доходом» демократизация началась с задержкой. Визуально зависимость между ВНД и демократизацией выглядит следующим образом:

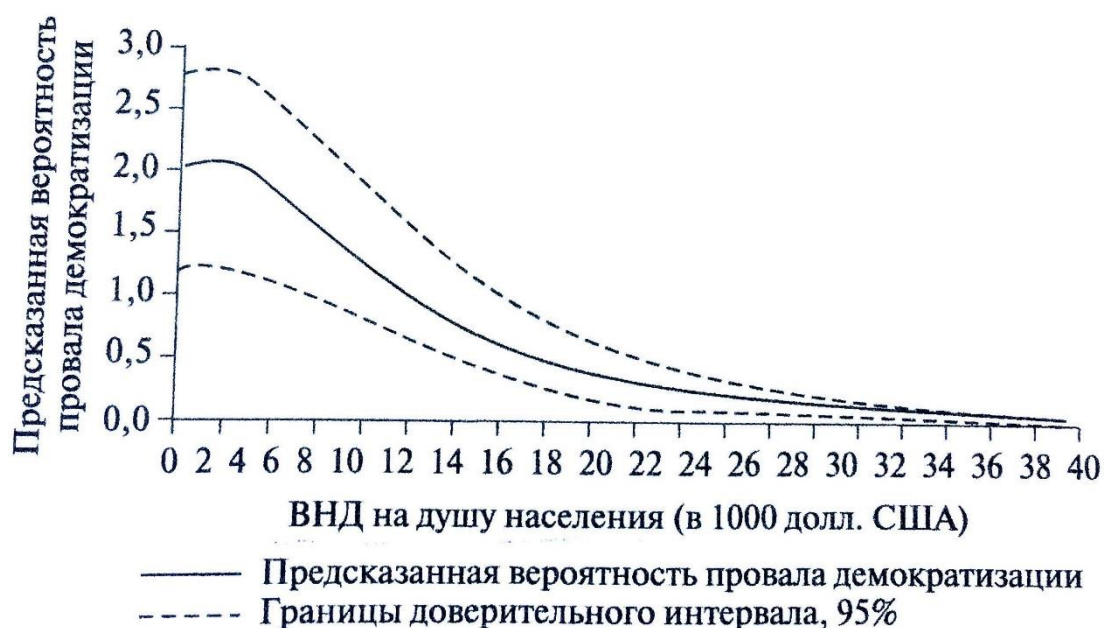
Группы по уровню дохода, 2006 г.

- ..... Высокий уровень дохода (ВНД на душу населения > 11 115 долл. США)
- Уровень дохода выше среднего (3595 долл. США < ВНД на душу населения ≤ 11 115 долл. США)
- Уровень дохода ниже среднего (905 долл. США < ВНД на душу населения ≤ 3595 долл. США)
- .-.-.- Низкий уровень дохода (ВНД на душу населения < 905 долл. США)

Рис. 5 Средний уровень развития демократии по уровню ВНД на душу населения в 1972-2004 гг.

Стивен Фиш (профессор политических наук Калифорнийского университета в Беркли) и Джейсон Виттенберг (доцент политических наук Калифорнийского университета в Беркли) в своём исследовании «Неудавшаяся демократизация» утверждали, что бедность практически несовместима с демократией. То, как бедность сокращает шансы на успешную демократизацию, можно проиллюстрировать ещё и посредством подсчета предсказанных вероятностей срыва демократизации при разных уровнях экономического

развития. Своё статистическое исследование С. Фиш и Д. Виттенберг проиллюстрировали следующей статистической кривой⁵²:

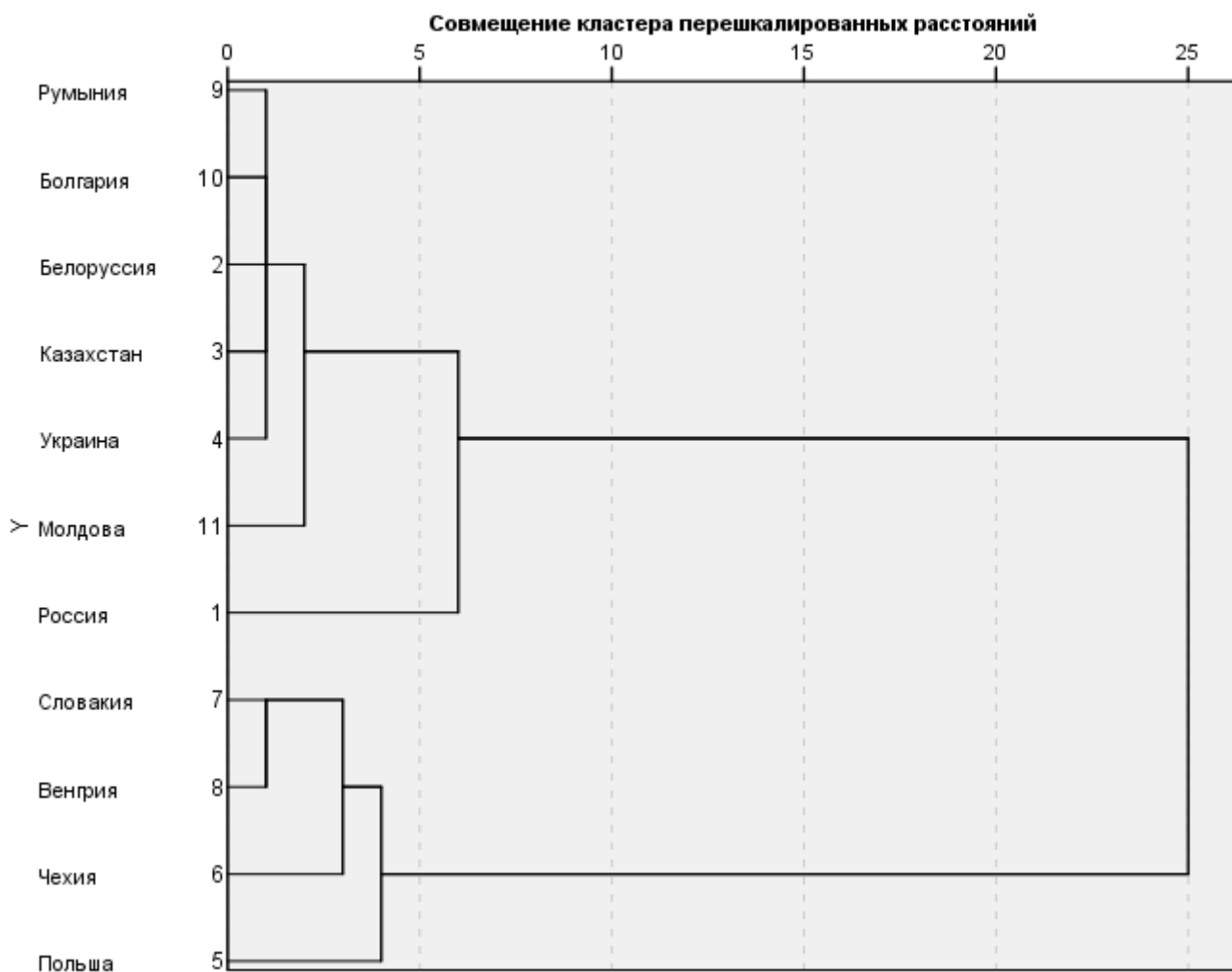

Рис. 6 Связь между экономическим развитием и вероятностью провала демократии

Как следствие, показатель ВНД представляет собой чрезвычайную важность, как статистически значимый структурный фактор успеха демократического транзита. Автор, по итогам иерархического кластерного анализа изучаемых государств на основе показателей валового национального дохода, получил следующую дендограмму:

⁵² Демократизация: учеб. Пособие / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 126-125, 434-435

Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей

Рис. 7 ВВП на душу населения по странам

Анализируя данные кластерного анализа, можно выделить две группы стран. Первую группу автор называет «богатые» страны с наибольшим показателем ВВП на душу населения (Чехия, Словакия, Венгрия, Польша), одновременно эти же государства являются наиболее демократическими т.к. они завершили демократический транзит на стадии «консолидированной демократии». Вторую группу автор определил как «бедные» с наименьшим показателем ВВП на душу населения (Румыния, Болгария, Молдова, Белоруссия, Казахстан, к этому же кластеру в большей степени, чем к первому, тяготеет Россия). «Бедные» государства, как мы определили выше, испытывали множество трудностей на протяжении демократического транзита и или вовсе

его не завершили, оставшись на уровне авторитарных государств/гибридных режимов (Казахстан, Белоруссия, Российская Федерация), или остановились на построении «электоральной» демократии (Болгария, Румыния, Молдова, Украина).

Ещё одним немаловажным структурным фактором, влияющим на процесс построения демократических институтов и напрямую вытекающий из уровня богатства, является неравенство. Как отмечал Роберт Даль, демократизация затрудняется из-за высокого уровня неравенства по двум причинам. Во-первых, экономические ресурсы могут быть преобразованы в политические. Таким образом, концентрация экономической власти может дать элитам возможность препятствовать политическим реформам, расширяющим права и свободы граждан (о негативном влиянии тесного сотрудничества бизнес элиты и власти в России 1990-ых автор писал в предыдущей главе). Во-вторых, экономическое неравенство может вызвать недовольство и фрустрацию среди бедных, размывая чувство общности и легитимность власти, на основе которых, как считается зиждется демократия⁵³.

Данную точку зрения поддерживал Мартин Липсет, который в своём труде «Политический человек, социальные основания политики» утверждал, что для построения стабильной демократии необходимо не только достаточный уровень богатств, но и определённая социальная структура общества. Рост богатства, по М. Липсету, также влияет на политическую роль среднего класса, меняя конфигурацию классовой структуры с удлинённой пирамиды, в основании которой - многочисленный низший класс, на ромбовидную фигуру с растущим средним классом. Многочисленный средний класс смягчает конфликт, поддерживая умеренные и демократические партии и противодействуя экстремистским группировкам.

---

⁵³ Даль, Р. Полиархия: участие и оппозиция / Р. Даль. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — С. 97-124

Политические ценности и стиль жизни высших слоев общества также связаны с национальным доходом. Чем беднее страна и ниже уровень жизни низших классов в абсолютном выражении, тем сильнее давление на высшие слои, заставляющее их относиться к низшим слоям как к плебейским, стоящим ниже от рождения, как к низшей касте, выходящей за рамки человеческого общества. Резкое различие в образе жизни между занимающими положение наверху пирамиды и теми, кто находится у ее основания, делает это психологически неизбежным. Поэтому высшие слои общества в такой ситуации склонны относиться к политическим правам низших слоев как к чему-то абсурдному и безнравственному. Мало того, что высшие слои сами по себе противостоят демократии, их зачастую высокомерное политическое поведение служит источником усиления экстремистских реакций со стороны низших классов. Тем самым, в отсутствии развитого среднего класса рождается непримиримое противостояние элит и бедноты, что даёт импульс центробежным тенденциям, разрушающим демократию.

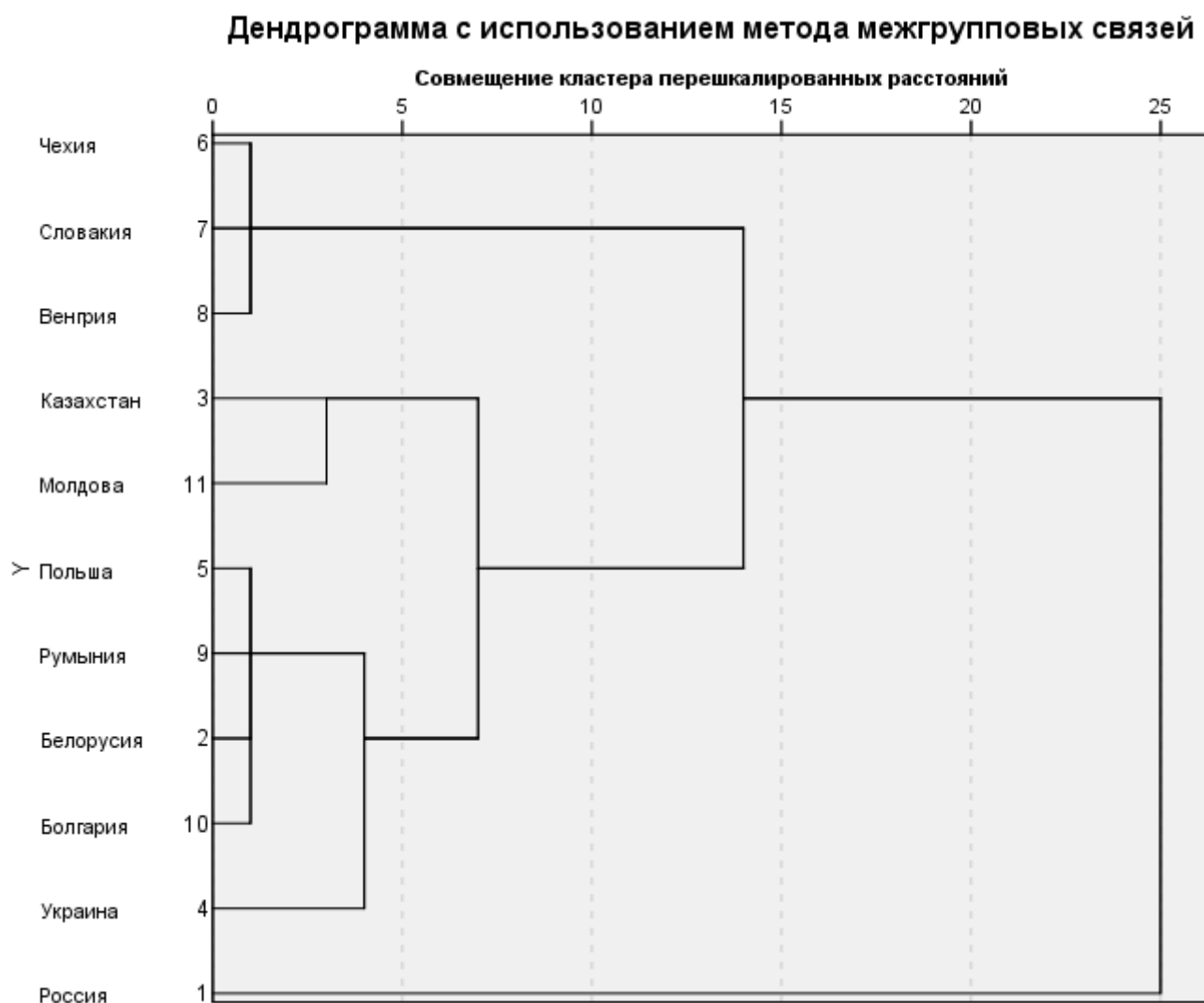
Помимо прочего среднему классу в большей степени присуще воспроизводство ценностей, подходящих для нормального демократического развития. Мартин Липсет указывал, что установки типа «быть хорошим гражданином» и «выполнять свой долг как избирателя» ассоциируются с мировоззрением среднего класса, в то же время цинизм или апатия по отношению к политике связаны с нонконформизмом беднейших классов⁵⁴.

Принимая важность среднего класса, как социального и политического предохранителя, автор провёл сравнительный анализ описываемых государств по уровню неравенства, в качестве основного показателя используя «индекс Джини». По итогам кластеризации была получена следующая дендограмма (рис. 8), анализируя показатели которой, можно заключить, что наиболее демократические государства (Венгрия, Чехия, Словакия) объединились в

---

⁵⁴ Липсет, М. Политический человек : социальные основания политики /М. Липсет. — М.: Мысль, 2016. — С. 74-75

кластер государств с наименьшим уровнем неравенства, а страны, испытывавшие проблемы с построением консолидированной демократии (за исключением Польши) объединились в кластер государств с наибольшим разделением между бедными и богатыми слоями населения (Казахстан, Молдова, Румыния, Белоруссия, Болгария, Украина, Польша). Особняком на данной дендограмме стоит Российская Федерация, которая характеризовалась с 1995 по 2001 годы наибольшими показателями неравенства среди всех описываемых государств (см. Приложение Е).

Рис. 8 Индекс Джини

Помимо описанных выше, ещё одним значимым социально-экономическим фактором является степень распространения коррупции в

государстве. Патрик Бернхаген описывал угрозы для демократизации, которые несёт в себе «сращивание» бизнес-элит и государственной власти. Так, политически влиятельное бизнес-сообщество может препятствовать развитию, поощряя рентаориентированное поведение и вынуждая правительство отказываться от необходимых программ по борьбе с бедностью, уменьшению неравенства и эффективной защите демократических завоеваний, тем самым затрудняя ход демократического транзита⁵⁵.

Коррупция также наносит существенный вред демократии, снижая качество государственно-административных институтов, что провоцирует разочарование среди общества и подталкивает его к поиску альтернативных моделей политического развития, склоняясь к поиску авторитарной модели «сильной руки», которая поможет навести порядок. Подобной точки зрения придерживался С. Хантингтон, который писал: «Систематическая неспособность демократических режимов действовать эффективно может подорвать их легитимность»⁵⁶.

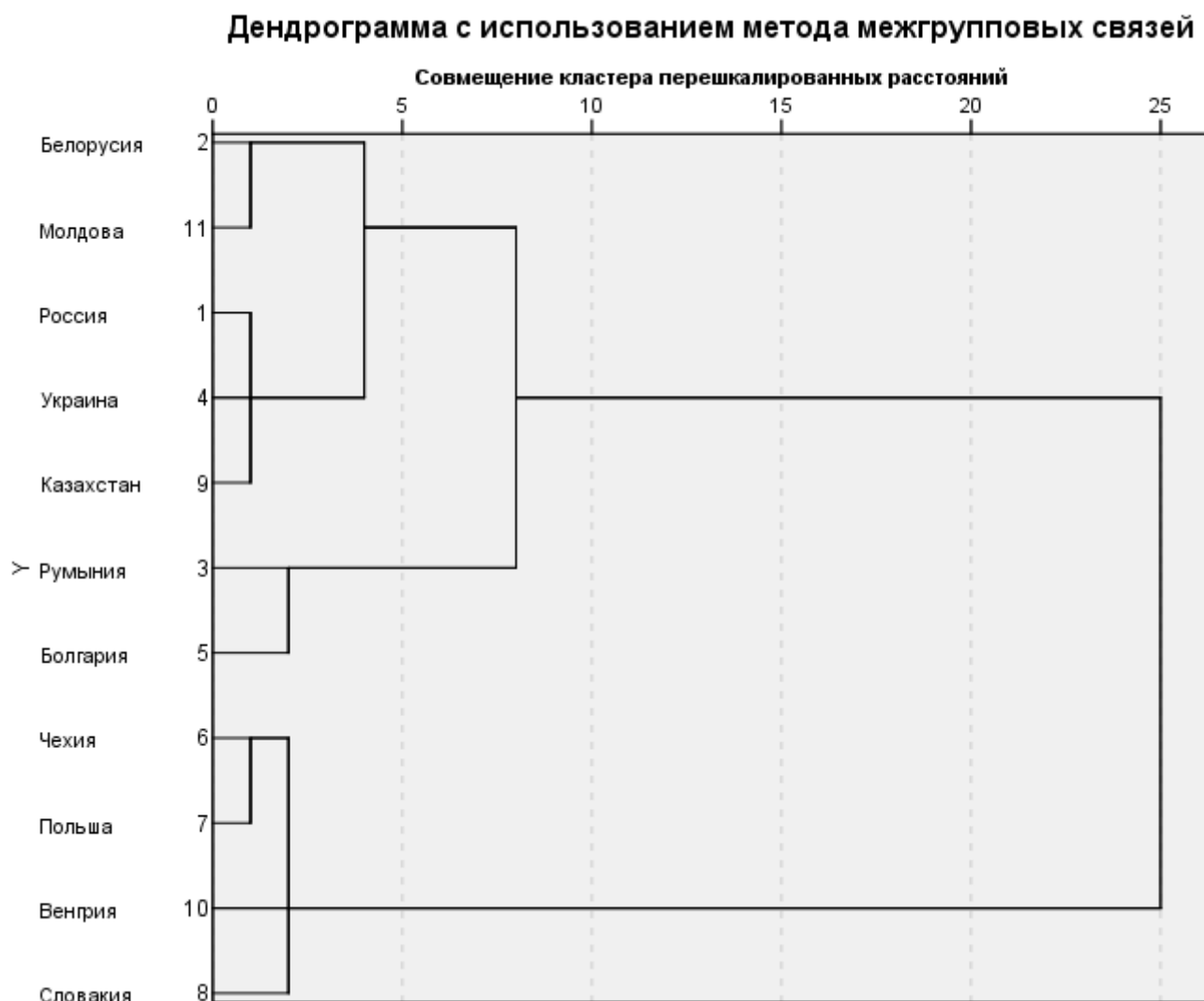
Для оценки уровня коррумпированности государств автором был выбран показатель «Контроль коррупции», созданный в рамках долгосрочного проекта Всемирного банка «Мировые индикаторы государственного управления» (Worldwide Governance Indicators – WGI). По итогам кластерного анализа показателей «контроля коррупции» автором была получена следующая дендограмма (рис. 9). Анализируя её показатели, автор выделяет несколько кластеров, объединяющих описываемые государства. Первый – наименее коррумпированные и по совместительству страны консолидированной демократии (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия), второй – государства, в той или иной мере подверженные коррупции и при этом не преуспевшие на поприще построения консолидированной демократии (Белоруссия, Молдова, Россия,

---

⁵⁵ Демократизация: учеб. Пособие / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 225-226

⁵⁶ Huntington, S. Democracy's Third Wave / S. Huntington // Journal of Democracy. – 1991. - № 2(22), P. 12-34.

Украина, Казахстан, Румыния, Болгария). При этом, внутри кластера «коррупцированных» государства можно выделить наиболее коррупцированные государства (Украина, Казахстан, Россия), «средне» коррупцированные (Белоруссия, Молдова) и государства с «умеренным» уровнем коррупции (Румыния Болгария).

Рис. 9 Контроль коррупции (индекс WGI)

Таким образом, можно подытожить, что социально-экономические факторы (уровень богатства, неравенства и коррупции) во многом предопределили ход демократического транзита в описанных государствах. Так, абсолютно по всем трём показателям страны консолидированной демократии (Польша, Венгрия, Чехия и Словакия) занимают лидирующие позиции. Именно

в этих государствах, зафиксированы наибольшие показатели ВНД на душу населения с 1991 по 2000 годы, индекса «Контроль коррупции», наивысший индекс которого (2,5) соответствует низкой степени «захвата» государства элитами и частными интересами и наименьшие показатели индекса Джини, что говорит о низком уровне неравенства и наличии широкой прослойки среднего класса.

В странах электоральной демократии, гибридных и авторитарных политических режимов ситуация в 1990-ые и начале 2000-ых годов складывалась диаметрально противоположным образом. В изучаемых странах СНГ, а также на Балканах, ввиду широкого экономического и социального кризиса, поразившего данные государства, зафиксированы низкие показатели ВНД на душу населения, что свидетельствует о бедности населения, отрицательные значения индекса «Контроль коррупции» - данный факт говорит о коррумпированности органов государственной власти, и высоких показателях индекса Джини, замеряющего уровень неравенства в обществе.

2.3 Культурные детерминанты консолидации демократии

В отличие от экономических и политических факторов, культурные структуры трудно поддаются подсчету. Однако многие политические исследователи уделяют им большое значение в процессе изучения становления демократии. Барри Вейнгаст полагал, что для стабильности демократии необходимо, чтобы граждане имели некий общий взгляд на то, какие действия государства считать нелегитимными, и были готовы противостоять всякой его попытке перейти дозволенные границы, если таковые установлены⁵⁷.

Адам Пшеворский, Хосе Антонио Чейбуб и Фернандо Лимонджи в своём исследовании «Культура и демократия» выделяют следующие аспекты

---

⁵⁷ Weigast, B.R. Political Foundation of Democracy and the Rule of Law /W.R. Weigast// American Political Science Review. – 1997. - № 3(91). - P. 245-263

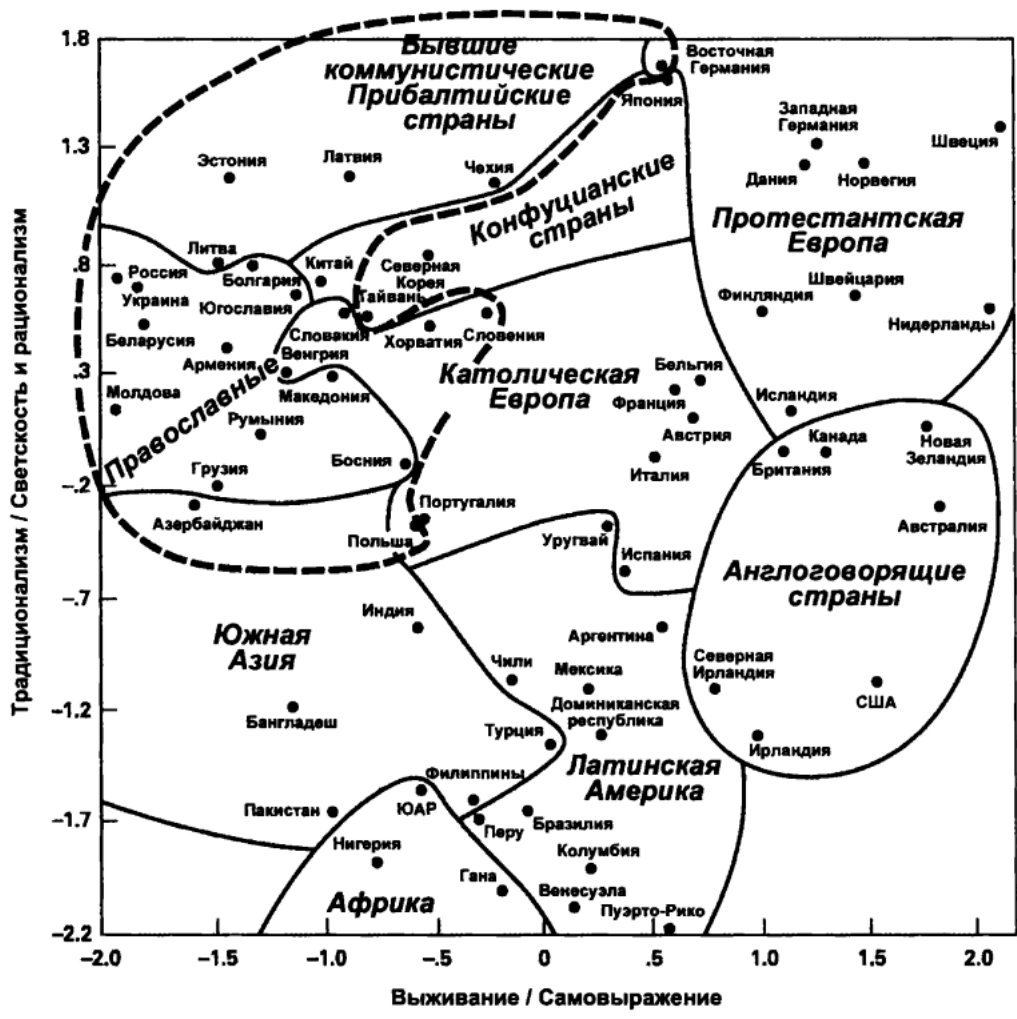
политической культуры, которые имеют значение для демократии – первое, люди ценят демократию как таковую, независимо от ее результатов. Второе, люди считают своим долгом подчиняться правилам, на которые они сами «согласились». Третье, некоторые представления людей о ценностях и, возможно, особенности их темперамента способствуют демократии (формируют «демократическую личность»). Сюда относятся «республиканские добродетели», доверие, соперничество, толерантность, умеренность и терпение. Четвертое, демократию делают возможной не столько общность взглядов, сколько совместная деятельность: отсюда и «консенсус». Если люди не имеют общих базовых характеристик, таких как язык, религия или же этническая принадлежность, то у них мало общего для того, чтобы поддерживать демократию⁵⁸.

Также среди политических исследователей были те, кто детерминировал модернизацию религиозным фактором. Так Рональд Инглегарт и Уэйн Е. Бейкер в своём исследовании «Модернизация, культурные изменения и устойчивость традиционных ценностей» составили «карту культур», при помощи которой выявили, что культурные паттерны протестантских, англоговорящих и стран католической Европы в большей степени соответствуют идеалам демократии, модернизации, самовыражения, доверия и развития.⁵⁹

---

⁵⁸ Przeworski, A. Culture and Democracy /A. Przeworski, J.A. Cheibub, F. Limongi // World Culture Report: Culture, Creativity, and Markets. – 1998. - № 1(11) P. 19-98

⁵⁹ Inglehart, R. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values / R. Inglehart, W.E. Baker// American Sociological Review. – 2000. - № 1 (11) P. 19-51.

Рис. 10 Распределение 65 стран на основе двух показателей межкультурных вариаций

Анализируя данные схемы (рис. 10, рис. 11) можно выявить, что страны с неудавшейся демократизацией (Россия, Украина, Белоруссия, Молдова, Болгария, Румыния) расположены отдельно, вдалеке от изучаемых автором консолидированных демократий (Польша, Венгрия, Словакия, Чехия).

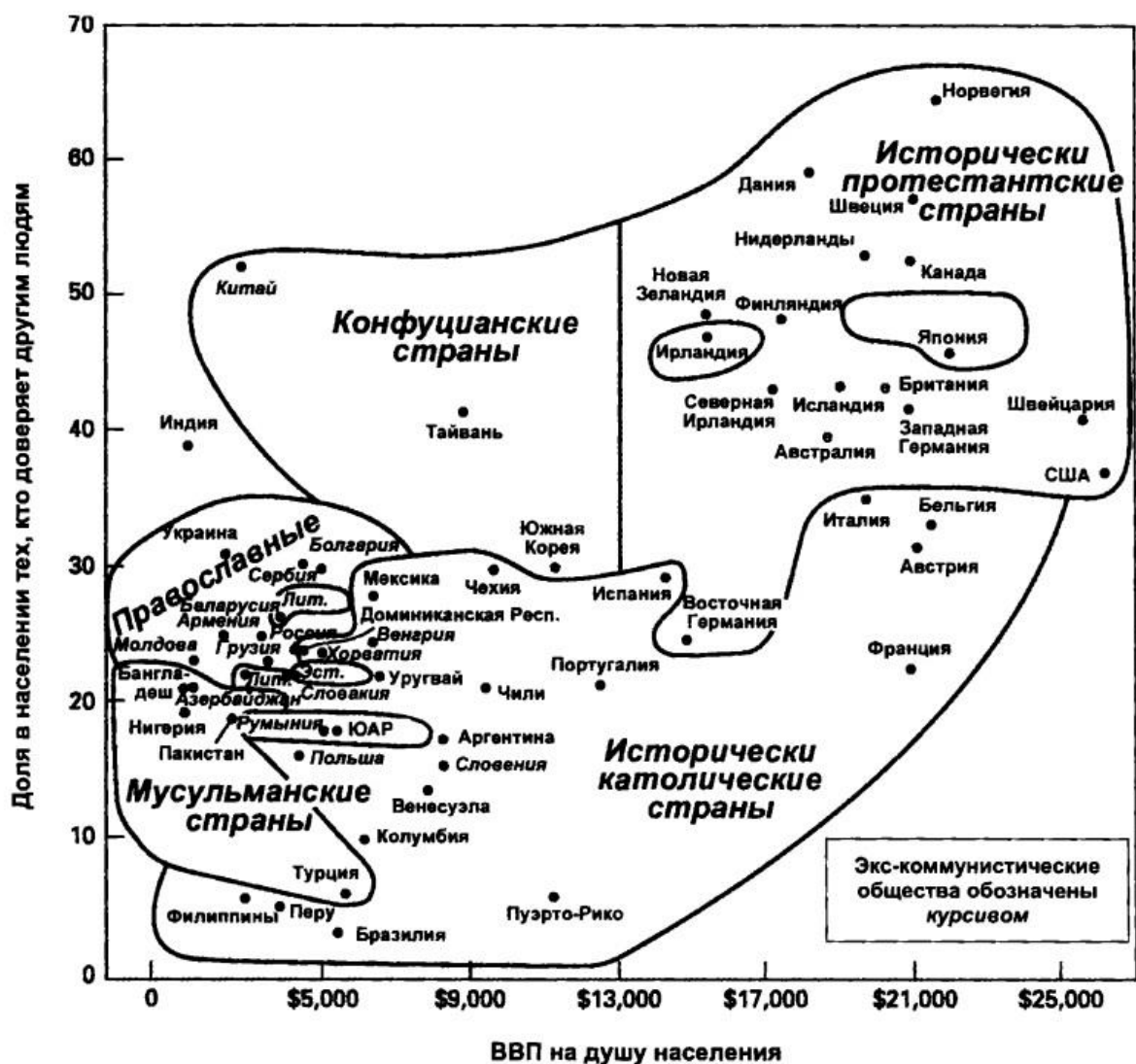

Рис. 11 Распределение 65 стран на основе измерения межличностного доверия, экономического развития и культурных/религиозных традиций.

Однако автор в своём исследовании предпочёл опираться не на «глобально-культурные» религиозные паттерны, а на конкретные проявления политической культуры отдельных государств, невзирая на их религиозную принадлежность и исходить из утверждений А. Пшеворского, Х. А. Чейбуба и Ф. Лимонджи о том, что, во-первых, доказательство взаимосвязи между цивилизациями и демократией методом «ex-post» представляется чересчур примитивным, во-вторых, в любой культуре, включая протестантизм, можно обнаружить элементы, кажущиеся как совместимыми, так и несовместимыми с демократией, в-третьих, на протяжении истории все религиозные традиции

вполне успешно сочетались с самыми разными политическими режимами, в-четвёртых, традиции не установлены раз и навсегда, а постоянно создаются и пересматриваются⁶⁰.

Прежде чем рассматривать составляющие политической культуры, необходимо рассмотреть факторы, оказывающие влияние на её формирование и провести компаративистский анализ среди описываемых государств относительно данных факторов. Так «модель привыкания» Данкварта Растоу предполагает, что люди учатся ценить демократические свободы лишь при наличии некоторого опыта их практического использования. Это означает, что демократические институты предшествуют позитивному оцениванию демократии. С этой точки зрения положительная оценка демократических свобод оказывается эндогенной наличием демократических институтов и не является причиной их установления. Поскольку придание ценности демократическим свободам самим по себе возможно лишь при наличии устойчивых демократических институтов, модернизация неспособна породить продемократические ценности, если она протекает при отсутствии названных институтов⁶¹.

Точку зрения, согласно которой для успешной демократизации необходимо достаточное количество граждан, имеющих «демократический опыт» жизни в рамках демократического политического режима развивал М. Липсет в своём исследовании «Политический человек». Изучая паттерны политического поведения, Мартин Липсет пришел к выводу, что политическое поведение (и политическая культура в целом) детерминированы поколенческими различиями и различиями в типичных моделях социального опыта, связанного с разными возрастными этапами: юностью, зрелостью и старостью. Цитируя Й. Шумпетера: «Никакое десятилетие в истории политики,

---

⁶⁰ Даль, Р. Теория и практика демократии. Избранные тексты / Р. Даль, И. Шапиро, Х.А. Чейбуб . - М.: Ладомир, 2006. – С. 154-164

⁶¹ Демократизация: учеб. Пособие / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 165-166

религии, технологии, живописи, поэзии и чего угодно никогда не содержит своего собственного объяснения. Чтобы понимать события вам следует рассмотреть период намного большей протяженности. Не сделать этого – верный признак дилетантизма», - М. Липсет обосновывал точку зрения, согласно которой историческое прошлое оказывает непосредственное влияние на разные модели политического поведения⁶².

Так, согласно его исследованию, имеет место быть длительное постоянство паттернов политической приверженности и долговременная преэминентность в лояльности каким-либо конкретным политическим группировкам, которая сохраняется невзирая на изменения в проблемах общества или в роли различных партий. В некоторых обстоятельствах политическая лояльность может дополнительно укреплять институты и сантименты, привязанные к данной социальной структуре, которые иначе могли бы потерять свой смысл и важность⁶³.

Тем самым, обобщая концепции Д. Растоу и М. Липсета можно утверждать, что наличию в посткоммунистических государствах «тоталитарной лояльности» прежним политическим институтам, которая проявляла себя в поведении политических акторов и являла собой структурный фактор, влияющий на успех демократии в описываемых государствах. Операционализировать степень «тоталитарной лояльности» автор предлагает при помощи измерения количества лет существования коммунистического режима на момент начала демократического транзита и возраст самого «младшего» жителя, который «застал» демократический политический режим в сознательном возрасте. Важным моментом является наличие в государстве поколения, которое бы застало (хотя бы в молодом возрасте) демократический режим, которому на смену пришла коммунистическая диктатура. Как писал М. Липсет: «Позднее

---

⁶² Schumpeter, J. The Decade of the Twenties / J. Schumpeter // American Economic Review Supplement. – 1946. - № 6 (36) P. 1-10

⁶³ Липсет, М. Политический человек : социальные основания политики /М. Липсет. — М: Мысль, 2016. – С. 317-329

отрочество (подростковый возраст и ранняя юность – создаёт общую систему взглядов и ценностной ориентации, в рамках которой люди склонны рассматривать весь свой последующий политический опыт»⁶⁴.

Если рассматривать точкой начала демократического транзита в посткоммунистических государствах 1985 год, то можно выделить несколько кластеров – первый, государства, где демократия (в том числе и номинальная) была ликвидирована в 1939 г., с началом Второй Мировой войны (Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария), второй, государства, где демократия была ликвидирована в 1917 г. (страны бывшего СССР) отдельно стоит Румыния (и Молдавия, являвшаяся её частью с 1918 г.), где в апреле 1938 года парламент был распущен и была установлена королевская диктатура. Автор допускает, что даже в странах, где демократический режим формально сохранялся и во время Второй Мировой войны, в условиях военного или полувоенного положения (как, например, в Болгарии) нормальной функционирование демократических механизмов становится невозможным.

Тем самым, необходимо отметить, что в странах консолидированной и электоральной демократий (за исключением Украины) к 1985 г. тоталитарный режим существовал не более 47 лет, соответственно, самому младшему гражданину этих государств, который во взрослом возрасте застал демократический режим должно быть не менее 65 лет. В то время как в описываемых государствах, где демократический транзит провалился (а также в Украине, которая достигла лишь «электоральной» демократии), коммунистический режим к 1985 г. существовал уже 68 лет и самому младшему жителю, который «помнил» демократию должно было быть не менее 86 лет. Сравнивая данные показатели, можно заключить, что страны Вышеградской группы и Балкан находились в более выгодных позициях по сравнению с постсоветскими государствами т.к., во-первых, поколение 65-ти летних всё ещё

---

⁶⁴ Липсет, М. Политический человек : социальные основания политики /М. Липсет. — М: Мысль, 2016. – С. 318

является политическим субъектом (в отличие от граждан, чей возраст превышает 86 лет), во-вторых, в количественном отношении граждане 65-тилетнего возраста (и старше) являются значимой электоральной группой, способной в массе своей влиять на политический процесс, в то время как в процентном соотношении от общего числа жителей граждане старше 86 лет составляют менее обширную группу, чем 65-тилетние.

Переходя к изучению социально-экономических структур, влияющих на возможности укрепления демократического режима, первым рассматриваемым социально-культурным фактором автор определил общую «лояльность» демократии. Согласно концепции Г. Алмонда и С. Верба для выживания демократии необходима гармонизация политической культуры и институциональных структур. Иными словами, необходима эмоциональная и оценочная лояльность среди разных групп населения по отношению к органам государственной власти. Тем самым только гармонизированная политическая культура порождает стабильные политии. И наоборот – фрагментация политической культуры (т.е. ориентация тех или иных страт общества на разные политические модели) приводит к политической нестабильности⁶⁵. Данную мысль развивал Луис Хартц, согласно концепции которого для имплементации демократических практик необходим «естественный либерализм» т.е. иррациональная приверженность демократическим процедурам и «моральное единодушие» общества в отношении либеральных ценностей⁶⁶.

Операционализировать понятие «лояльность» демократии автор предлагает при помощи данных опросов Ассоциации World Values Survey (данные за 1995-1999 годы), проведённых примерно в 80-ти странах с 1981 по 2014 годы. Опросы WVS являются валидным инструментом изучения политической культуры,

---

⁶⁵ Алмонд, Г. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд; С. Верба. – М.: Мысль, 2014. – С. 56-58

⁶⁶ Даль, Р. Теория и практика демократии. Избранные тексты / Р. Даль, И. Шапиро, Х.А. Чейбуб. – М.: Ладомир, 2006. – С. 105-106

массовых убеждений и изменений ценностей, рекомендуемым множеством именитых политологов⁶⁷.

Дататабаза WVS содержит проценты респондентов, ответивших на вопросы относительно их членства в политических партиях (Active/Inactive membership of political party), их мнения об эффективности демократии и защищённости от нестабильности (Democracies are indecisive and have too much squabbling), о том, насколько демократии хороши в поддержании порядка (Democracies aren't good at maintaining order), об общем одобрении демократии (Democracy may have problems but is better), насколько хороша демократическая политическая система (Political system: Having a democratic political system), кто предпочтительнее – жёсткий или сотрудничающий политический лидер (Firm party leader vs. Cooperating party leader), насколько «плох» коммунистический «ancient regime» (Rate political system as it was before). Обобщённые ответы на эти вопросы содержатся в «Приложении 3». Вопрос о членстве в партиях автор добавил, опираясь на концепцию Г. Алмонда и С. Верба, согласно которой формальное членство в политических движениях само по себе увеличит перспективы индивида относительно того, что он сам поверит в собственную способность влиять на органы власти и фактически осуществит какую-либо подобную попытку утвердив собственную политическую компетентность, которая является неотъемлемой частью гражданской культуры⁶⁸.

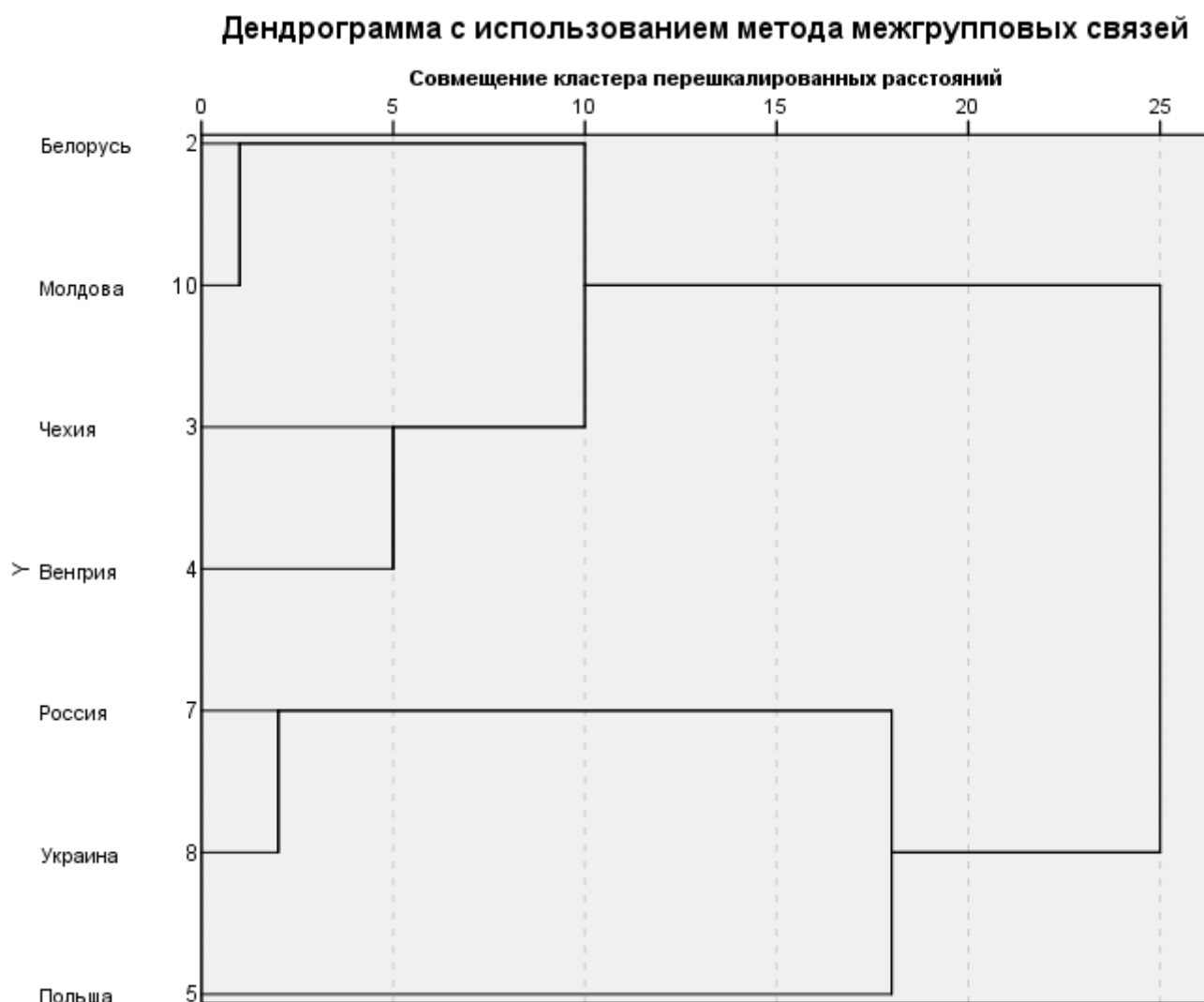
По итогам кластеризации данных опроса WVS за 1995-1999 годы (во время консолидации наиболее важного периода демократического транзита), автор получил следующую дендограмму (см. рис. 12), анализируя которую можно выделить четыре кластера. Первый – страны, наиболее лояльные демократии (Чехия и Венгрия, сюда же можно добавить Словакию, если экстраполировать имеющиеся ответы). Второй – страны «скорее лояльные демократии» (Белорусь,

---

⁶⁷ Демократизация: учеб. Пособие / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 261

⁶⁸ Алмонд, Г. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах/ Г. Алмонд; С. Верба. – М.: Мысль, 2014. – С. 208-209

Молдова сюда же путём экстраполяции ответов можно отнести Болгарию и Румынию). Третий кластер – страны, скорее нелояльные демократии (Россия и Украина). Особняком на дендограмме расположена Польша, занимающая скорее «промежуточную» позицию. Тем самым, наиболее демократические страны (Венгрия, Чехия, Словакия) одновременно являются наиболее «лояльными» данному политическому режиму, а страны, испытывавшие затруднения с консолидацией демократической системы (за исключением Польши), так или иначе проявляли свою «нелояльность» демократии.

Рис. 12 Кластерный анализ стран относительно их "лояльности" демократии

Следующим социально-культурным фактором, анализируемом автором применительно к посткоммунистическим странам станет «интерес к политике».

О Необходимости политической социализации через проявление интереса к политическим процессам, формирования достаточной степени информированности о политических процессах, обсуждения политических тем с друзьями и т.д. писали Г. Алмонд и С. Верба и своём трактате «Гражданская культура»⁶⁹.

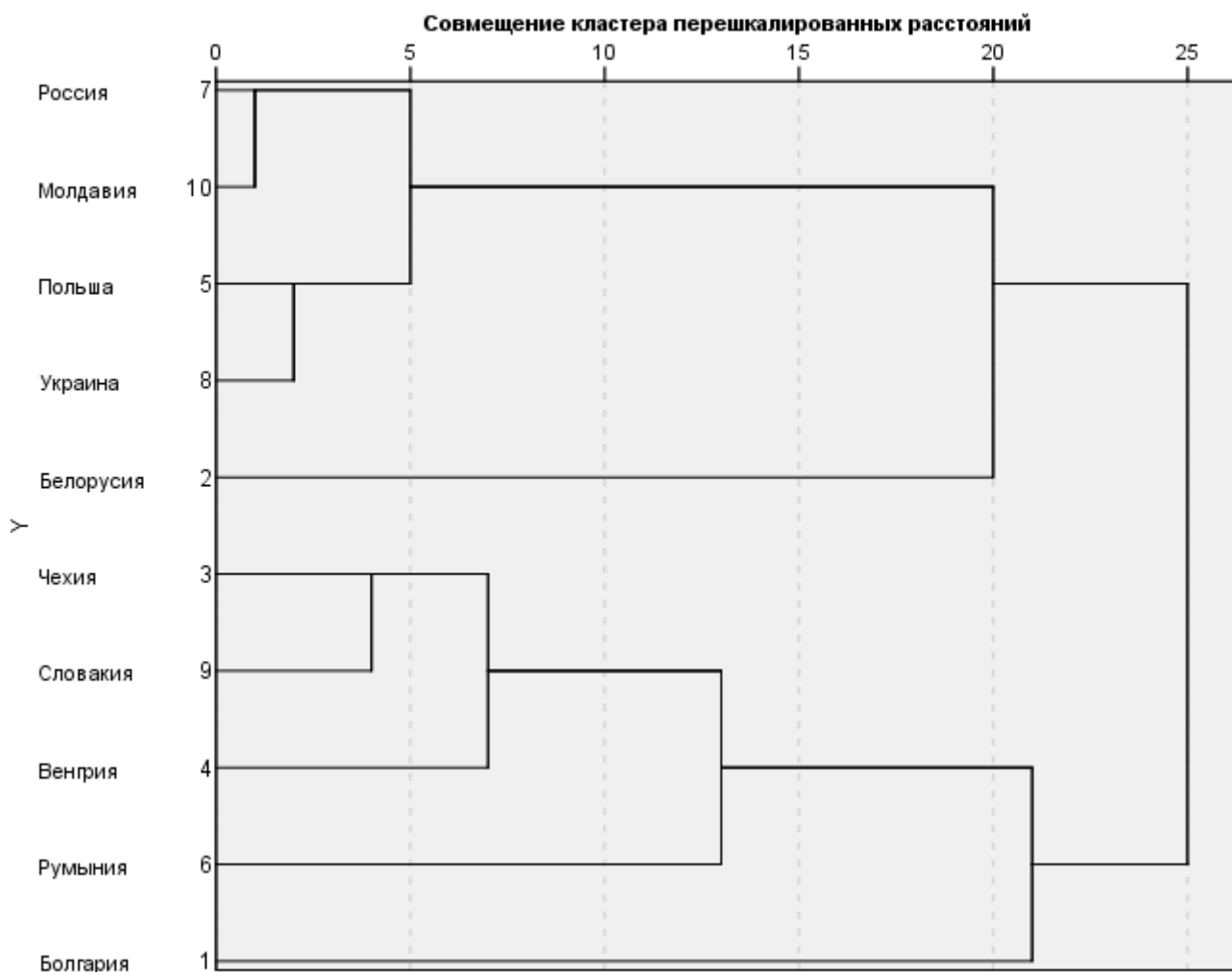
В блок WVS касательно интереса к политике входят вопросы о важности политики в жизни респондентов (Important in life: Politics), о частоте обсуждения политики (How often discusses political matters with friends), о степени интереса к политике (Interest in politics), о том, насколько благотворна для общества конкурентная модель (Competition good or harmful), насколько люди ориентированы на сотрудничество и кооперацию (Good human relationships), а также каков процент общества к отместке от 0,7 до 1 по шкале эмансипативных ценностей К. Вельцеля (Welzel emancipative values).

По итогам кластерного анализа данных WVS (см. Приложение И) автор получил следующую дендограмму (см. рис. 13), анализируя которую можно выделить 2 явных кластера при нескольких странах к ним тяготеющих. Первый кластер – страны, население которых не проявляло активного интереса к политике (Россия, Молдавия, Польша, Украина), к этому же кластеру «тяготеет» Белоруссия. Второй кластер – страны, проявляющие наибольший интерес к политику (Чехия, Словакия, Венгрия), к этому же кластеру «тяготеют» Румыния и Болгария. Необходимо отметить, что ко второму кластеру принадлежат наиболее демократические страны и режимы «электоральной» демократии, в то время как к первому страны, провалившие демократический транзит (Россия и Беларусь) и оставшиеся «электоральные» демократии (за исключением Польши).

---

⁶⁹ Алмонд, Г. С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах/ Г. Алмонд, С. Верба. – М.: Мысль, 2014. – С. 89-90, 118-119

Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей

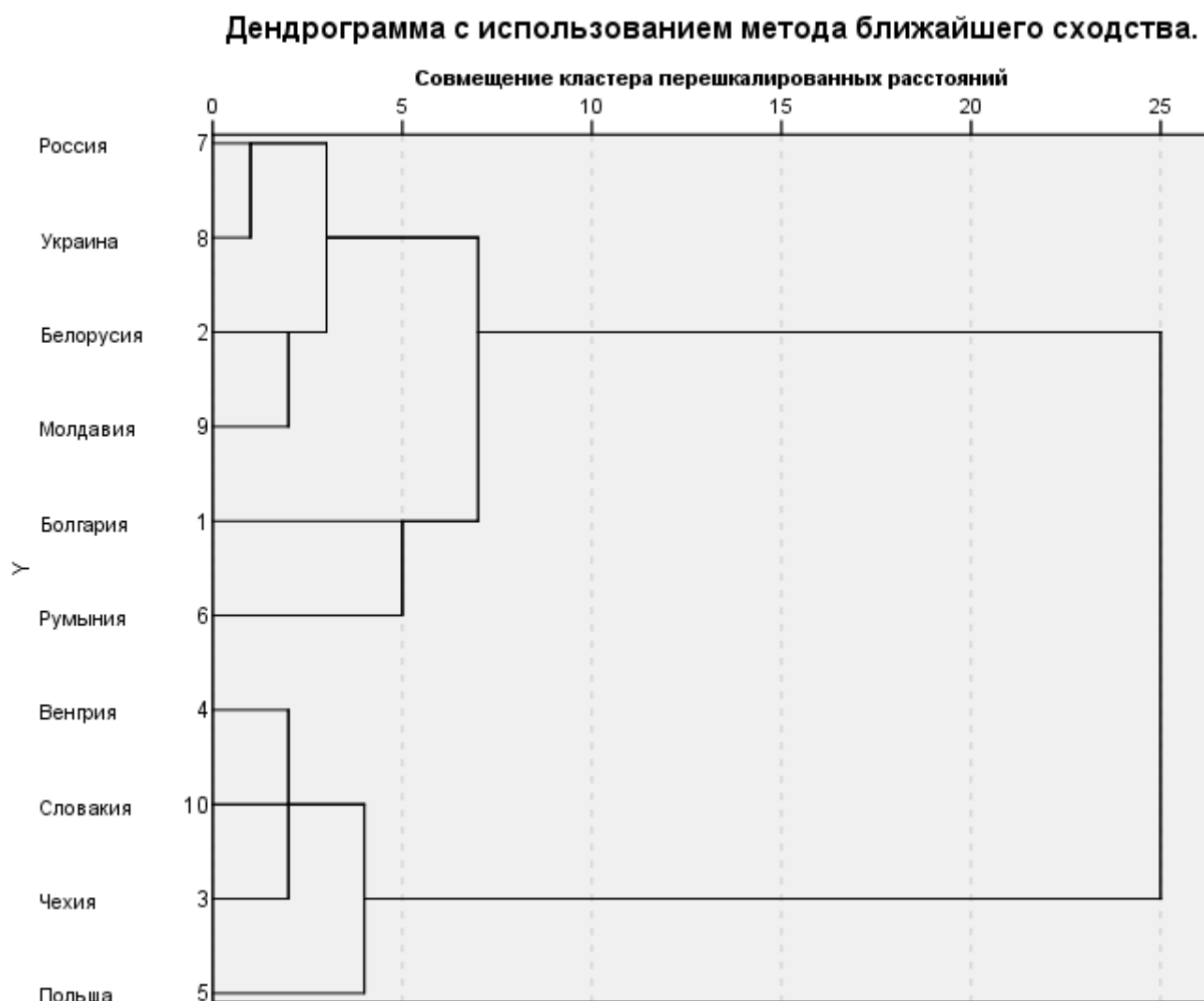
Рис. 13 Кластеризация государств по уровню их интереса к политике

Третьим социально-культурным фактором станет «участие в политике» гражданами описываемых государств. Важность участия в политике для консолидации демократического режима постулировал Джеймс Брайс в своём исследовании «Современные демократии»: «Существенным ингредиентом удовлетворительной демократии является то, что значительная доля жителей должна обладать опытом активного участия в работе политических групп, будь то в связи с местными органами власти, профсоюзами, кооперативными или другими формами деятельности»⁷⁰.

⁷⁰ Bryce, J. Modern Democracies/ J. Bryce. - News York: The Macmillan company, 1921. - P. 132

Операционализировать степень участия автор предлагает при помощи следующих вопросов базы данных WVS – участвовали ли вы/могли бы поучаствовать в бойкоте (Political action: joining in boycotts), мирной демонстрации (Political action: attending lawful/peaceful demonstrations), несогласованной забастовке (Political action: joining unofficial strikes), подписании петиции (Political action: Signing a petition).

По итогам кластеризации автор получил следующую дендограмму:

Рис. 14 Кластеризация государств по уровню их участия в политике

Изучая данную дендограмму (рис. 14) можно выделить 2 обширных кластера. Первый - страны с высокой долей «участвующего» в политике населения (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия) – одновременно эти страны

относятся к «консолидированным» демократиям по итогам демократического транзита. Второй – страны с низкой долей «участвующих» в политике граждан (Россия, Украина, Белоруссия, Молдавия, Болгария, Румыния) – страны автократических или гибридных режимов, а также страны, остановившиеся в своей политической модернизации на этапе «электоральной» демократии.

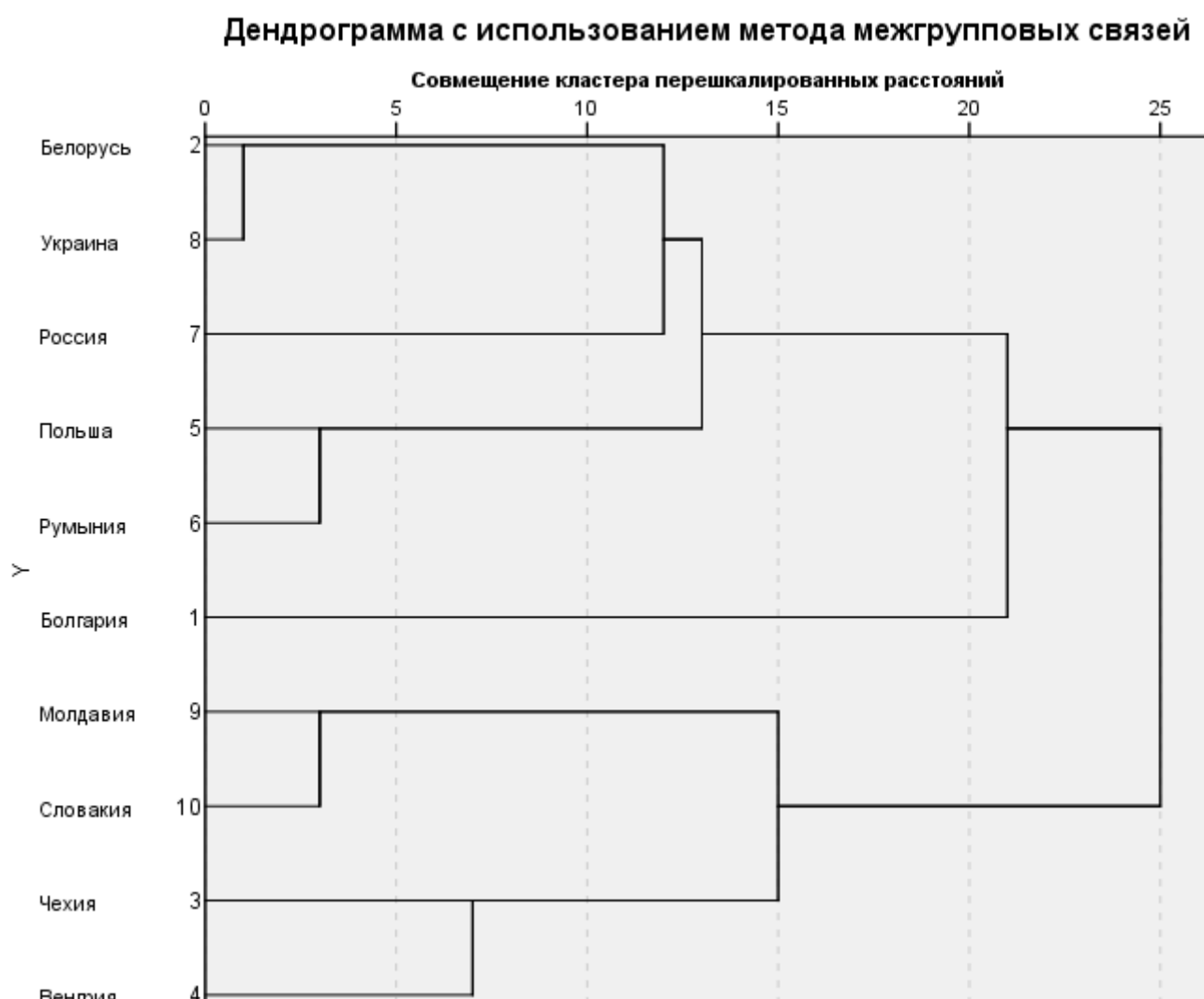
Последним социально-культурным структурным фактором, рассматриваем автором в рамках данной научно-исследовательской работы является доверие граждан к государственным и общественным институтам. Согласно концепции Габриэля Алмонда и Сиднея Верба, изложенной в их труде «Гражданская культура», для нормального функционирования демократической системы парадоксальным образом поведение граждан должно быть одновременно и активистским, и подданническим. Гарри Экстайн называл это «сбалансированными несоответствиями». С одной стороны, демократические власти и правительство должны править - обладать могуществом и лидерством, а также принимать решения. С другой стороны, они должны быть под постоянным контролем политически-активных граждан. В противном случае, государство или полностью утратит связь с «входом», если пользоваться терминологией Д. Истона (т.е гражданским обществом), или скатится в анархию и падёт под натиском центробежных сил. Таким образом, демократического гражданина Г. Алмонд и С. Верба призывают преследовать противоречащие одна другой цели: он должен быть активным, но вместе с тем и пассивным, вовлеченным, но вместе с тем вовлекаться не слишком сильно. Влияющим, но вместе с тем почтительным⁷¹.

Операционализировать доверие государственным институтам автор будет при помощи всё той же базы данных WVS, где содержатся данные о доверии граждан описываемых государств армии, судам, парламенту, бюрократическому аппарату, государству в целом, полиции, партиям (полную выкладку см.

---

⁷¹ Алмонд, Г. С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд, С. Верба. – М.: Мысль, 2014. – С. 449-453

Приложение Л). По итогам кластеризации автором была получены следующая дендограмма:

Рис. 15 Кластеризация стран по уровню их доверия государственным институтам

Анализируя показатели рис. 15 автор выделяет два крупных кластера. Первый, страны в большей степени доверяющие государственным институтам (за исключением Молдавии в него входят «консолидированные» демократии – Словакия, Чехия, Венгрия), Второй – страны граждане которых, не доверяют своим институтам (за исключением Польши в него входят страны, испытывавшие затруднения на протяжении демократического транзита (Беларусь, Украина, Россия, Румыния, Болгария).

Таким образом, автор заключает, что социально-культурные факторы оказали существенное влияние на ход демократического транзита, как политически значимые структуры, хотя их влияние менее очевидно, чем воздействие экономических и политико-государственных движущих сил демократии. Так, граждан стран, которые по итогам демократического транзита пришли к консолидированным демократиям (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия), в 1995-1999 годы в большинстве своём отличает общая «лояльность» демократии, проявление интереса к политике и готовность этот интерес отстаивать, а также уважение к политическим и государственным институтам своих государств.

Жители стран, которые или свернули демократический транзит, или «застряли» на уровне неконсолидированных демократий, наоборот, менее лояльны демократии, как свои западные соседи, более склонны к политическому абсентеизму и безразличию к политическим вопросам, кроме того, они отличаются меньшим доверием к органам государственной власти.

ГЛАВА 3 НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ПРОЦЕДУР И РЕЗУЛЬТАТОВ ТРАНЗИТА В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

3.1 Успешная модель демократического транзита: достаточность предпосылок

Подводя итоги вышеизложенным теоретическим аспектам автор структурирует полученные данные при помощи двух основных методов – первый, регрессионный анализ, который позволит выявить статистически значимые факторы, оказавшие непосредственное влияние на повышение индекса Polity IV, второй – метод построения лепестковых диаграмм, которые позволят систематизировать все вышеперечисленные акторно-ориентированные и структурно-ориентированные факторы демократического транзита в описываемых посткоммунистических государствах.

Целью множественного регрессионного анализа является измерение связи между зависимой переменной и несколькими (множественный) независимыми переменными⁷². В качестве зависимой переменной автор предлагает индекс Polity IV в конце демократического транзита (2001 г.), независимые переменные - ВНД на душу населения, данные, описывающие интерес к политике, индекс хрупкости государства, коэффициент Джини (все показатели усреднённые за 10 лет). При этом для повышения точности регрессионного анализа Молдова была исключена из выборки государств (ввиду сложной валидности подобного сравнения из-за разности масштабов). Таблица регрессионного анализа и полученный результат содержатся в Приложении М. Анализируя показатели стандартизированных коэффициентов регрессионного анализа автор выделяет наиболее значимые факторы, влияющие на консолидацию демократического режима – ВНД на душу населения и индекс Джини. В случае увеличения ВНД на душу населения на 1\$ показатель Polity IV увеличивается на 0,00555273249805384, а в случае увеличения коэффициента Джини на 1 пункт,

---

⁷² Ахременко, А. С. Политический анализ и прогнозирование : учеб. пособие / А. С. Ахременко. — М.: Гардарики, 2006. — С. 139-146

индекс Polity IV уменьшается на 1,7. При этом показатель неравенства (индекс Джини) примерно на 10% более значим, чем общее экономическое развитие (ВНД на душу населения). Полученные статистические данные укладываются в парадигму Аристотеля, который выдвинул предположение о связи демократии с преобладанием в классовой структуре общества «средних» граждан. Тот факт, что гипотеза, которой более 2000 лет, до сих пор остаётся в силе не внушает политического оптимизма, поскольку отсюда следует, что политическая деятельность должна быть направлена в первую очередь на обеспечение экономического развития. Однако не следует впадать в неоправданный пессимизм. Демократия, существовала в самых разных обстоятельствах, даже если она, как правило, поддерживалась ограниченной совокупностью условий⁷³. Для придания модели успеха демократии большей объективности автор рассмотрит описываемые страны консолидированной демократии в совокупности изученных условий её формирующих. Для этого каждое условие проранжирруется в каждой стране, в зависимости от результатов иерархического кластерного анализа.

Анализируя данные диаграммы, необходимо отметить, что успех демократического транзита в странах вышеградской группы был предопределён взвешенным поведением политических акторов и благоприятными политическими, экономическими и социально-культурными условиями. Подобную модель, характеризующуюся высокими показателями по всем параметрам, автор именует «сферической». Единственное исключение составляет Польша, где (как видно на рис. 16) заметно «проседают» социально-культурные факторы, однако данное затруднение компенсируется более значимыми показателями подушевого ВНД и наличием широкого слоя среднего класса.

---

⁷³ Липсет, М. Политический человек : социальные основания политики / М. Липсет. — М.: Мысль, 2016. — С. 487-488

Рис. 16 Модель успешного демократического транзита в Польше

Рис. 17 Модель успешного демократического транзита в Венгрии

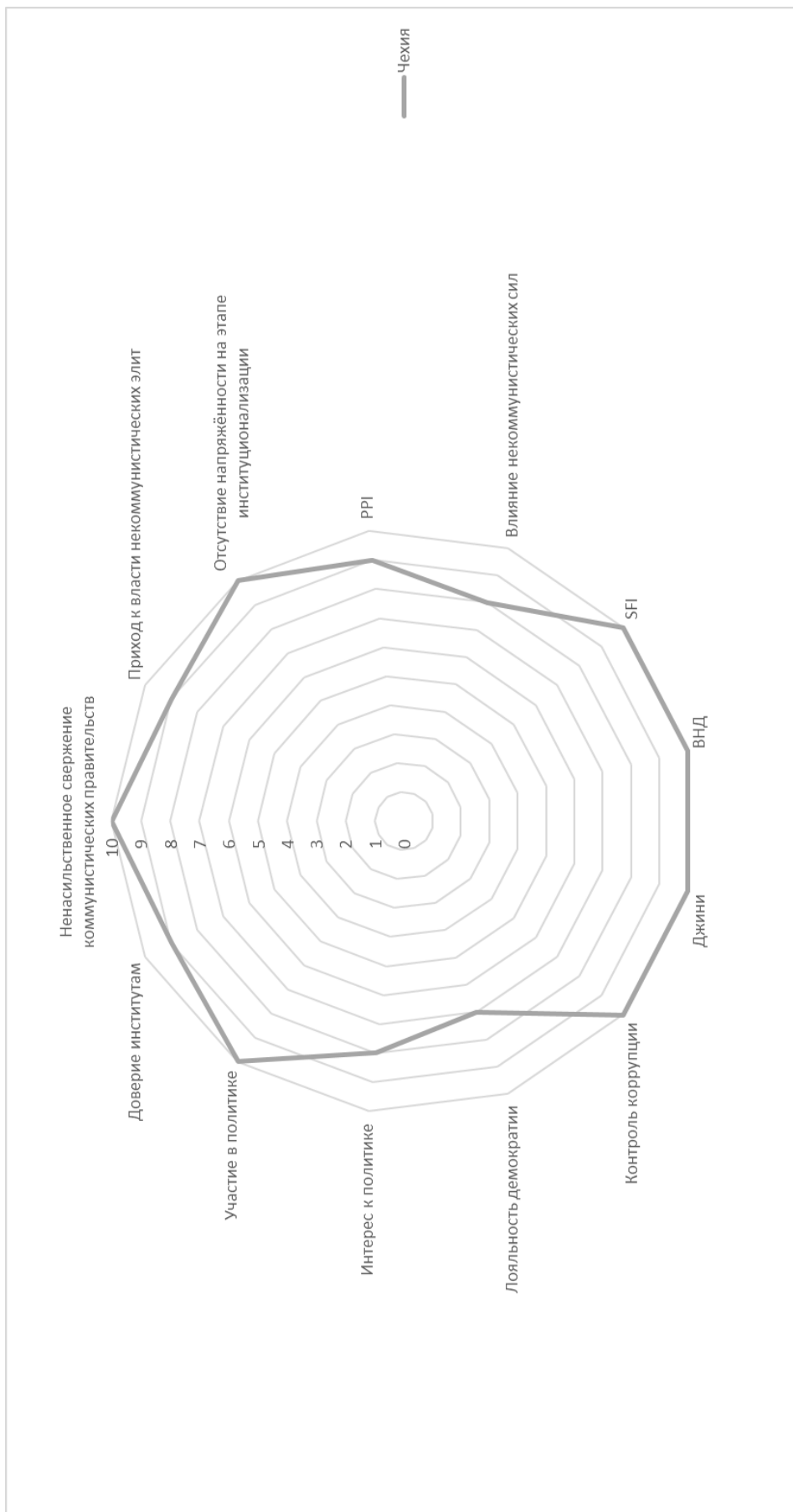

Рис. 18 Модель успешного демократического транзита в Чехии

Рис. 19 Модель успешного демократического транзита в Словакии

3.2 Модель незаконченного демократического транзита

По итогам первой и второй главы данной научно-исследовательской работы было определено, что посткоммунистические государства проводили модернизацию под влиянием неравных факторов и основываясь на разных принципах политического развития, что привело к разным итогам демократического транзита. Так, Болгария, Румыния, Молдова и Украина не завершили траекторию демократического транзита на этапе консолидированной демократии, (в отличие от стран вышеградской группы), остановившись на уровне электоральной или неконсолидированной демократии. Данный параграф будет посвящён построению модели незаконченного демократического транзита.

Анализируя полученные лепестковые диаграммы (рис. 20, 21, 22, 23), автор констатирует, что, в отличие от аналогичных диаграмм «консолидированных демократий», их отличает множество «неровностей» свидетельствующий о резких «скачках» акторно-ориентированных и структурно-ориентированных факторов. Подобного рода модель автор предлагает определить, как «звёздчатую». Например, в Румынии насильственный переход к демократии «компенсируется» низким влиянием некоммунистических сил в политическом пространстве. Болгарию характеризуют низкие показатели ВНД, при одновременно высокой доле участвующих в политике и слабым влиянием реакционеров в парламенте. Напряжённость во время демократического транзита в Молдове «компенсирует» высокая степень доверия граждан государственным институтам, а в Украине низкие показатели всех значимых факторов спасает их равномерность.

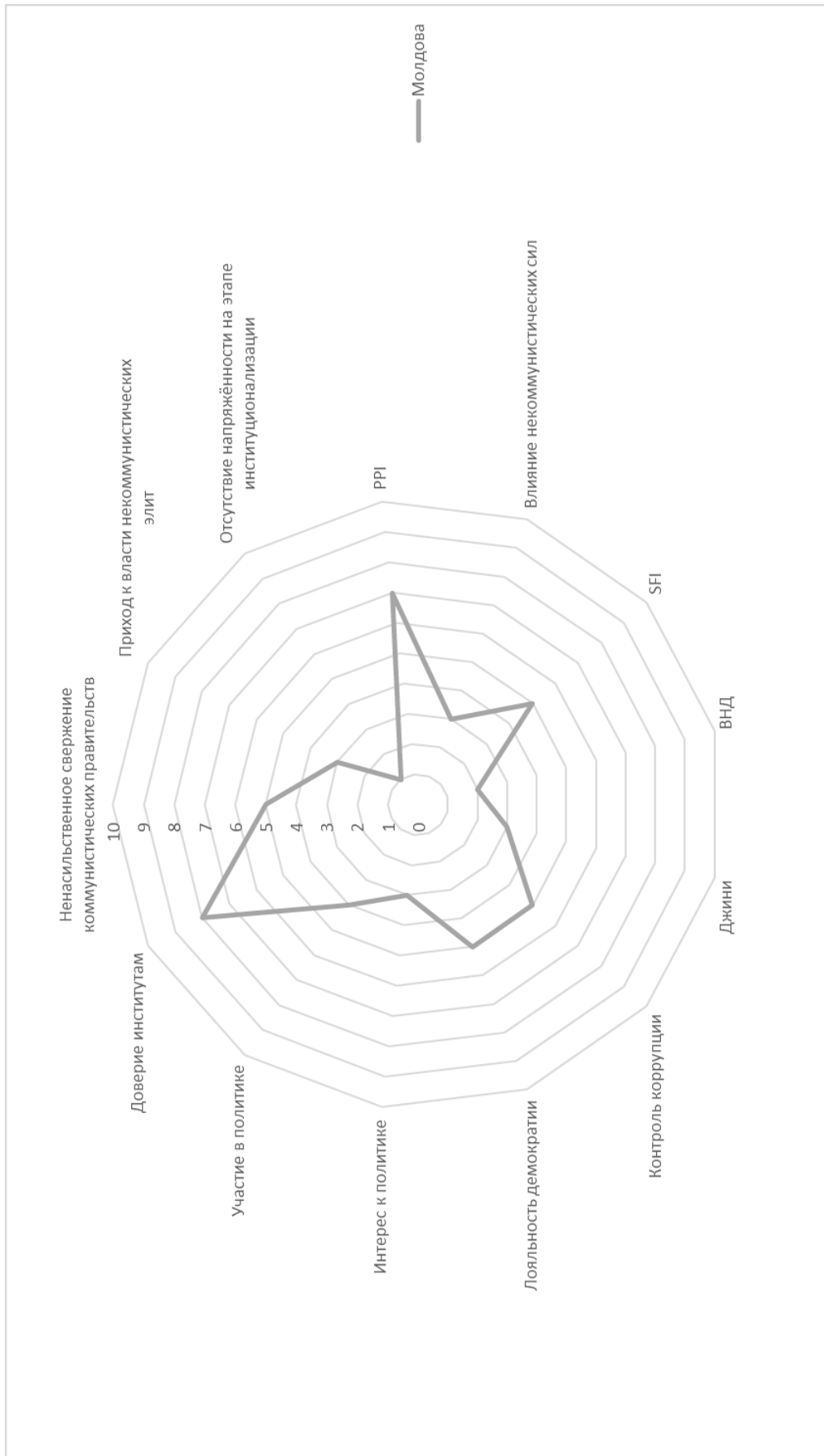

Рис. 20 Модель незаконченного демократического транзита в Болгарии

Рис. 21 Модель незаконченного демократического транзита в Румынии

Рис. 22 Модель незаконченного демократического транзита в Молдове

Рис. 23 Модель незаконченного демократического транзита в Украине

3.3. Модель провала демократического транзита

Изучив модели успешного и незавершённого построения демократии, автор, в заключение, рассмотрит модель провалившегося демократического транзита в Белоруссии, Казахстане и Российской Федерации (см. рис. 24, 25, 26). Анализируя полученные в результате визуализации факторов лепестковые диаграммы автор отмечает, что все 3 «провалившиеся» демократии характеризуются низкими значениями практически по всем показателям. Так в России, несмотря на большой ВНД на душу населения, чем в Казахстане и Украине, фиксируется огромное неравенство и, по сути, отсутствие среднего класса – «станового хребта» демократии, а также значительный уровень напряжённости и общей «хрупкости» государства.

Похожие проблемы испытывали Казахстан и Белоруссия, где ситуация усугублялась тем фактом, что к власти пришли элиты, которые отказались от политической модернизации на начальном этапе демократического транзита. Подобную модель, где все показатели стремятся к нулю, к одной точке, автор предлагает именовать «точечной». В описываемых трёх государствах показатели многих факторов, значимых для укрепления демократии, в 1990-ых годах оставались на низком уровне. Так, в России индикатору «Отсутствие напряжённости на этапе институционализации демократических практик» было присвоено значение «один» из-за гражданского противостояния 1993 года, в Белоруссии и Казахстане показателю Parliamentary Power Index (PPI) из-за слабого и политически несубъектного парламента, обладающего в разы меньшим объёмом полномочий, чем в остальных описываемых государствах.

Рис. 24 Модель провалившегося демократического транзита в России

Рис. 25 Модель провалившегося демократического транзита в Белоруссии

Рис. 26 Модель провалившегося демократического транзита в Казахстане

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

1. Причины успеха, частичного успеха или провала демократического транзита в посткоммунистических европейских странах позволяет объяснить современная транзитология. В ее рамках можно выделить «универсальные» законы, следование которым необходимо для успешного демократического транзита и рассмотреть влияние локальных практик в государствах, которые не относятся к консолидированным демократиям.

2. Для успешного демократического транзита необходимы соответствующие *стартовые условия*. Польша, Венгрия и Чехословакия относились, в большей мере, к посттоталитарным режимам: в них появились «вторая экономика» и «вторая культура», стало возможным существование политически субъектного диссидентства. Власти этих государств к концу 1980-ых годов потеряли интерес к политической мобилизации населения, которое постепенно ушло в частную жизнь. Частично к данному типу обществ можно отнести Болгарию. Подобным общественным устройствам присущ ряд общих черт, обусловленных самой сутью разрушаемого в них тоталитаризма: устранение полной зависимости общества и человека от власти и постепенное восстановление гражданского общества, конец господства идеократии и моноидеологии, развитие плюрализма мнений и гласности, разрушение механизма репрессий и освобождение граждан от постоянного страха. В то время как Румынию и СССР к 1985 г. можно охарактеризовать как менее свободные государства, в большей степени тяготеющие к «классическому» тоталитаризму.

3. Успешный демократический транзит обусловлен выбором правильной *стратегией* либерализации и демократизации, реализация которой зависит от акторно-ориентированных действий субъектов демократического транзита – элит, контр-элит и гражданского общества. В странах ныне консолидированной

демократии – Польше, Венгрии, Чехии и Словакии представители оппозиции и коммунистических режимов смогли прийти к консенсусу относительно будущего политического и социально-экономического развития посредством т.н. «круглых столов». Население этих стран, в свою очередь, поддержало демократические политические силы, что отразилось на результатах голосования на первых свободных выборах, определивших состав legislatures указанных государств. Отношение оппозиции и «старой» коммунистической элиты в балканских государствах и СССР было менее безоблачным. Либерализация оказалась сопряжена с подчас кровавым противостоянием между посткоммунистической «номенклатурой» и революционно настроенными демократами. Это привело к развитию центробежных тенденций и вносило элемент дестабилизации при строительстве нового режима, что мешало дальнейшей институционализации демократических практик. Дополнительные осложнения возникали из-за того, что поддержка демократических реформ на Балканах и в странах СНГ подчас не было настолько абсолютной, как в странах Вышеградской группы. Из-за экономических неурядиц и неэффективных экономических реформ многие слои общества были «исключены» из новой социально-экономической системы, пополняя ряды политических сил, разочаровавшихся в демократии.

4. Для успешного демократического транзита необходимо «сотрудничество» элит и широких масс населения для преодоления нестабильного периода перестройки основных государственных институтов. Напряжённость между элитами и обществом на этапе институционализации демократического транзита, рост взаимного недоверия и крушение «иллюзий» относительно наступления нового более справедливого общества рождает политические, социальные и подчас этно-религиозные (в случае многосоставного общества) кризисы, препятствующие консолидации нового демократического режима. На протяжении 1990-ых гг. Балканы и страны СНГ характеризуются повышенной конфликтностью и взаимным недоверием между

политическим классом и обществом, что значительно тормозило ход демократических реформ, в отличие от более стабильных Чехии, Словакии, Венгрии и Польши.

5. Успешный демократический транзит обусловлен взаимодействием *структуры* его движущих сил и их *положительной* динамикой. К данным структурам относят: отсутствие серьёзных дестабилизирующих факторов внутри государства, влияние национального парламента, как ветви власти, и конфигурация политических сил внутри него, уровень экономического развития, наличие значительной и влиятельной прослойки «среднего класса», политическая ответственность и общее качество политических элит, лояльность к демократии и интерес к политике, сопряжённый с готовностью активного участия в политической жизни общества, среди широких слоёв населения, а также высокая степень доверия к государственным институтам. Указанные факторы успешной консолидации демократического политического режима в большей степени проявили себя среди членов Вышеградской группы, по сравнению с Балканами и СНГ.

6. В итоге можно констатировать, что Польша, Венгрия, Чехия и Словакия, следуя «универсальным» практикам демократического транзита пришли к консолидированной демократии, встав на один уровень со «старыми» демократиями Западной Европы. В них одновременно были обеспечены институциональные, экономические, и культурные модернизационные предпосылки. Данную модель демократического транзита автор определил как «сферическую» т.к. данные страны характеризуют высокие показатели всех значимых факторов демократического преобразования (см. пункт 1 Главы 3).

Болгария, Румыния, Молдова и Украина не завершили свой переход к демократии, остановившись на этапе неконсолидированной демократии, наравне с государствами Латинской Америки. Для этой группы политический процесс сопряжен с политическими катаклизмами, неэффективностью государственного и административного аппарата и коррумпированностью властвующих элит.

Автор модель их демократического транзита определил как «звёздчатую», где наличие отдельных факторов политической модернизации обеспечивалось за счет каких-либо других показателей. Так, в Румынии слабое влияние некоммунистических сил в политике обусловлено кровавым переворотом 1989 года (см. пункт 2 Главы 3).

Третья группа стран: Россия, Белоруссия и Казахстан в итоге провалили демократический транзит из-за неразвитости подавляющего большинства факторов политической модернизации. Данную модель неудавшегося демократического транзита автор называет «точечной» т.к. все показатели в данных странах стремятся к нулю (см. пункт 3 Главы 3).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алмонд, Г. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд, С. Верба. – М.: Мысль, 2014. – 500 с.
2. Ахременко, А. С. Политический анализ и прогнозирование в 2 ч. Часть 1: учебник и практикум для вузов / А. С. Ахременко. — М: Издательство Юрайт. 2020. — 180 с.
3. Ахременко, А.С. Политический анализ и прогнозирование. В 2 ч. Часть 2: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / А.С. Ахременко. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 221 с.
4. Ахременко, А. С. Политический анализ и прогнозирование: учеб. пособие / А. С. Ахременко. — М.: Гардарики, 2006. — 333 с.
5. Даль, Р. Теория и практика демократии. Избранные тексты / Р. Даль, И. Шапиро, Х.А. Чейбуб. - М.: Ладомир, 2006. - 496 с.
6. Даль, Р. О демократии/ Р. Даль. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 208 с.
7. Даль, Р. Полиархия: участие и оппозиция / Р. Даль. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 288 с.
8. Инглхарт, Р.Ф. Демократизация: учеб. Пособие / К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – 532 с.
9. Лассуэлл, Г. Д. Психопатология и политика: Монография / Г. Д. Лассуэлл. – М.: Издательство РАГС, 2005. –352 с.
10. Липсет, М. Политический человек: социальные основания политики /М. Липсет. — М: Мысль, 2016. – 612 с.
11. Мухаев, Р. Т. Политология / Р. Т. Мухаев. – М.: Проспект, 2010. – 640 с.
12. Мухаев, Р. Т. Теория политики: учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитарно-социальным дисциплинам и специальности «Международные отношения» / Р. Т. Мухаев. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 623 с.

13. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 588 с.
14. Бродовская, Е. В., Специфика функционирования политических систем в моделях демократического транзита / Е.В. Бродовская, М.А. Варфоломеев // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. - 2010. - №2 (14). – С. 201-216
15. Мельвиль, А. Ю. Методология "воронки причинности" как промежуточный синтез "структуры и агента" в анализе демократических транзитов / А.Ю. Мельвиль // Полис. 2002. № 5 (71). С. 54-59
16. Мельвиль, А.Ю. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа / А.Ю. Мельвиль, Д.К. Струкал // Полис политические исследования. - 2011. - № 3 (123). – с. 164-183
17. Рейтинг Polity IV [Электронный ресурс] / Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions. – 2005-2020. – Электрон. Дан. – Режим доступа: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (дата обращения: 23.04.2020)
18. Bryce, J. Modern Democracies/ J. Bryce. - News York: The McMillan company, 1921. – 696 p.
19. Diamond, L. Developing Democracy: Toward Consolidation/ L. Diamond. - London: The Johns Hopkins Univ. Press, 1999. – 367 p.
20. Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1990-1991 / General Edition R.B. McColm. - New York : Freedom House, 1991. — 648 p.
21. Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1991-1992 / General Edition R.B. McColm. - New York : Freedom House, 1992. — 648 p.

22. Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992-1993 / General Edition R.B. McColm. - New York : Freedom House, 1993. — 648 p.
23. Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993-1994 / General Edition J.Finn. — New York : Freedom House, 1994. — 698 p.
24. Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994-1995 / General Editor J.Finn. — New York : Freedom House, 1995. — 705 p.
25. Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995-1996 / General Editor R. Kaplan. — New York : Freedom House, 1996. — 554 p.
26. Lazarsfeld, P. F. The Language of Social Research / P. F. Lazarsfeld, M. Rosenberg. - Glencoe: The Free Press, 1955. - 415 p.
27. Nathan, J. Brown The Dynamics of Democratization: Dictatorship, Development, and Diffusion/ J. Nathan. – New York: The library of Congress, 2011. - 321 p.
28. O'Donnell, G. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies/ G. O'Donnell, P. Schmitter. – New York: The Johns Hopkins University Press, 1986. - 96 p.
29. Skocpol, Th. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China/ Th. Skocpol. - Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979. - 407 p.
30. Vanhanen, T. Democratization: A Comparative Analysis of 170 Countries/ T. Vanhanen. — London: Routledge, 2003. - 302 p.
31. Fish, M. S. Stronger legislature, stronger democracies / M.S. Fish // Journal of Democracy. – 2006. - №1 pp. 5-20
32. Huntington, S. Democracy's Third Wave / S. Huntington // Journal of Democracy. – 1991. - № 2(22), P. 12-34.

33. Mainwaring, S. Presidentialism, Multipartyism, and Democracy: the Difficult Combination / S. Mainwaring// Comparative Political Studies. -1993. - № 2(26). - p. 198-228.
34. Indexmundi [Электронный ресурс] / GINI index (World Bank estimate). – 2017-2020. – Электрон. Дан. – Режим доступа: <https://www.indexmundi.com/facts/> (дата обращения: 24.04.2020)
35. MacMillan, K. Virtual Reality: Architecture and the Broader Community. [Электронный ресурс] / MacMillan K. – Режим доступа: <http://www.arch.unsw.edu.au/subjects/arch/specres2/mcmillan/> (дата обращения: 11.05.2019).
36. Macrotrends [Электронный ресурс] / GNI Per Capita. – 2010-2020. – Электрон. Дан. – Режим доступа: <https://www.macrotrends.net/> (дата обращения: 24.04.2020)
37. State Fragility Index [Электронный ресурс] / Integrated Network for Societal Conflict Research. – 1995-2020. – Электрон. Дан. – Режим доступа: <https://www.systemicpeace.org/inscrdata.html> (дата обращения: 24.04.2020)
38. Watson John B. Psychology as the Behaviorist views it (1913). [Электронный ресурс] / Psychology as the Behaviorist views it (1913). – Режим доступа: <https://mapspublic2.ihmc.us/rid=1GQY6PMKW-TYL8SW-HWG/Psychology%20as%20the%20Behaviorist%20Views%20It.pdf> (дата обращения: 11.05.2019).
39. Weigast, B.R. Political Foundation of Democracy and the Rule of Law /W.R. Weigast// American Political Science Review. – 1997. - № 3(91). - P. 245-263
40. World Values Survey [Электронный ресурс] / Online Data Analysis. – 1981-2020. – Электрон. Дан. – Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 27.04.2020)
41. World Bank [Электронный ресурс] / Control of Corruption: Estimate. – 2010-2020. – Электрон. Дан. – Режим доступа: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=worldwide-governance-indicators> (дата обращения: 25.04.2020)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

РРІ и уровень демократии Polity IV в 2001 году - в конце демократического транзита⁷⁴

Страна	РРІ	Polity IV
Беларусь	0,28	-7
Болгария	0,78	8
Чехия	0,78	10
Венгрия	0,69	8
Казахстан	0,31	-4
Молдова	0,72	7
Польша	0,66	9
Румыния	0,72	8
Россия	0,44	5
Словакия	0,72	10
Украина	0,5	6
	Корреляция Пирсона	0,907339

⁷⁴ Fish, M.S. Stronger legislature, stronger democracies / M.S. Fish // Journal of Democracy. – 2006. - №1(1). - P. 5-20

Приложение 2

Данные об институциональных характеристиках политических режимов, согласно индексу Polity IV⁷⁵

Страна	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Россия	0	1	2	3	5	3	3	3	3	3	3	5
Белоруссия	7	7	7	7	7	0	-7	-7	-7	-7	-7	-7
Украина	6	6	6	6	4	7	7	7	7	7	7	6
Казахстан	-3	-3	-3	-3	-3	-4	-4	-4	-4	-4	-4	-4
Польша	5	6	8	8	8	8	8	9	9	9	9	9
Венгрия	6	10	10	10	10	10	10	10	10	10	10	10
Чехия	4	8	8	8	8	8	10	10	10	10	10	10
Словакия	4	8	8	7	7	7	7	7	9	9	9	9
Румыния	5	5	5	5	5	5	5	6	8	8	8	8
Болгария	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
Молдова	5	5	7	7	7	7	7	7	7	7	7	8

⁷⁵ Рейтинг Polity IV [Электронный ресурс] / Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions. – 2005-2020. – Электрон. Дан. – Режим доступа: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (дата обращения: 23.04.2020)

Принадлежность к кластерам

Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
Россия	1	1	1	1
Белоруссия	2	2	2	2
Украина	3	3	1	1
Казахстан	4	4	3	2
Польша	5	3	1	1
Венгрия	5	3	1	1
Чехия	5	3	1	1
Словакия	5	3	1	1
Румыния	3	3	1	1
Болгария	5	3	1	1
Молдова	3	3	1	1

Влияние некоммунистических реакционных сил в национальном парламенте⁷⁶

Страна	Созыв 1	Созыв 2	Созыв 3	Созыв 4	Созыв 5	Созыв 6
Россия	0,5	1	1	0,5	0,5	1
Белорусия	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
Украина	0,5	1	1	0,5	0,5	0,5
Казахстан	0,5	0,5	1	0	0	0,5
Польша	0,5	0	0	0	0	0
Чехия	0,5	0,5	0,5	0	0	0
Венгрия	0,5	0	0	0	0	0
Словакия	0,5	0	0,5	0	0	0
Болгария	0	0	0	0	0	0
Румыния	0,5	0	0	0	0	0
Молдова	0	1	1	1	1	1

⁷⁶ 0 – коммунистические движения не прошли в парламент, 0,5 – коммунистические движения прошли в парламент, но не набрали 20% голосов, 1 – коммунистические движения набрали 20% голосов или более

Принадлежность к кластерам				
Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
1:Россия	1	1	1	1
2:Белорусия	2	1	1	1
3:Украина	1	1	1	1
4:Казахстан	3	2	1	1
5:Польша	4	3	2	2
6:Чехия	4	3	2	2
7:Венгрия	4	3	2	2
8:Словакия	4	3	2	2
9:Болгария	4	3	2	2
10:Румыния	4	3	2	2
11:Молдова	5	4	3	1

Индекс хрупкости государств (State Fragility Index)⁷⁷

Страна	SFI 1995	SFI 1996	SFI 1997	SFI 1998	SFI 1999	SFI 2000	SFI 2001	SFI 2002	SFI 2003	SFI 2004	SFI 2005
Россия	10	9	10	10	11	10	10	11	10	10	9
Белорусия	4	4	5	6	6	6	5	6	6	6	4
Украина	5	5	5	6	6	6	5	5	5	6	6
Казахстан	10	10	9	11	11	11	10	9	8	9	9
Польша	3	2	2	2	2	2	1	1	1	0	0
Чехия	1	1	1	1	1	1	1	2	0	0	0
Словакия	4	4	4	3	2	2	2	2	1	1	1
Венгрия	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0
Румыния	9	8	8	8	8	8	8	8	8	6	6
Болгария	8	8	8	8	9	7	5	5	4	3	3
Молдова	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5

⁷⁷ State Fragility Index [Электронный ресурс] / Integrated Network for Societal Conflict Research. – 1995-2020. – Электрон. Дан. – Режим доступа: <https://www.systemicpeace.org/inscrdata.html> (дата обращения: 24.04.2020)

Принадлежность к кластерам				
Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
1:Россия	1	1	1	1
2:Белорусия	2	2	2	1
3:Украина	2	2	2	1
4:Казахстан	1	1	1	1
5:Польша	3	3	3	2
6:Чехия	3	3	3	2
7:Словакия	3	3	3	2
8:Венгрия	3	3	3	2
9:Румыния	4	4	2	1
10:Болгария	5	4	2	1
11:Молдова	2	2	2	1

Валовый национальный доход на душу населения (U.S. dollars)⁷⁸

Страна	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Россия	3440	3080	2920	2650	2640	2600	2650	2130	1750	1710
Белоруссия	1790	1790	1600	1460	1370	1450	1530	1550	1400	1380
Казахстан	1430	1430	1430	1310	1280	1340	1390	1390	1290	1260
Украина	1520	1420	1230	1010	920	860	890	850	760	700
Польша	2090	2090	2480	2800	3240	3830	4230	4350	4430	4660
Чехия	3340	3340	3480	4140	5110	5950	6130	6080	6090	6330
Словакия	3400	3600	3800	4000	4200	5000	5400	5410	5360	5520
Венгрия	3000	3500	3700	4080	4300	4420	4460	4480	4550	4670
Румыния	1250	1250	1190	1270	1490	1640	1590	1580	1610	1710
Болгария	1620	1430	1250	1240	1510	1540	1560	1530	1480	1650
Молдова	550	550	550	600	550	520	500	470	410	380

⁷⁸ Macrotrends [Электронный ресурс] / GNI Per Capita. – 2010-2020. – Электрон. Дан. – Режим доступа: <https://www.macrotrends.net/> (дата обращения: 24.04.2020)

Принадлежность к кластерам				
Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
1:Россия	1	1	1	1
2:Белоруссия	2	2	2	1
3:Казахстан	2	2	2	1
4:Украина	2	2	2	1
5:Польша	3	3	3	2
6:Чехия	4	4	3	2
7:Словакия	5	4	3	2
8:Венгрия	5	4	3	2
9:Румыния	2	2	2	1
10:Болгария	2	2	2	1
11:Молдова	2	2	2	1

Индекс Джини⁷⁹

Страна	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Россия	46,5	46,1	38,4	38,1	37,4	37,1	36,9
Белорусия	33	33	33	32	31,7	31,2	30,6
Казахстан	36	35,4	35,5	35,6	35,7	35,8	36
Украина	39,3	35,2	34	33	32	31	29
Польша	30	30,5	31	31,5	32	32,5	33
Чехия	26	25,8	25,9	25,9	26	26	26
Словакия	25	25,8	25,9	26	26,1	26	26
Венгрия	27,9	27,9	28	28	28	28	28
Румыния	29	29,5	30	31	32	33	34
Болгария	32	32,5	32,6	32,7	32,8	33	33
Молдова	36	36	36,9	39,5	42,6	36,4	38

⁷⁹ Indexmundi [Электронный ресурс] / GINI index (World Bank estimate). – 2017-2020. – Электрон. Дан. – Режим доступа: <https://www.indexmundi.com/facts/> (дата обращения: 24.04.2020)

Принадлежность к кластерам				
Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
1:Россия	1	1	1	1
2:Белорусия	2	2	2	2
3:Казахстан	3	3	2	2
4:Украина	4	2	2	2
5:Польша	2	2	2	2
6:Чехия	5	4	3	2
7:Словакия	5	4	3	2
8:Венгрия	5	4	3	2
9:Румыния	2	2	2	2
10:Болгария	2	2	2	2
11:Молдова	3	3	2	2

Индекс «Контроль коррупции» (Worldwide Governance Indicators – WGI)⁸⁰

Страна	1996	1998	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Россия	-1,1	-1	-1	-0,9	-0,8	-0,8	-0,8	-0,9	-1	-1,1
Белорусия	-0,4	-0,4	-0,4	-0,7	-0,6	-0,8	-0,8	-0,6	-0,7	-0,6
Румыния	-0,4	-0,6	-0,5	-0,4	-0,4	-0,3	-0,2	-0,2	-0,2	-0,1
Украина	-1,1	-1,3	-1,1	-1,1	-0,9	-0,9	-0,7	-0,8	-0,8	-0,8
Болгария	-0,4	-0,2	-0,1	-0,2	0	0,1	0,1	-0,1	-0,2	-0,3
Чехия	0,7	0,6	0,2	0,4	0,5	0,4	0,5	0,4	0,3	0,4
Польша	0,7	0,8	0,7	0,4	0,4	0,1	0,3	0,3	0,3	0,5
Словакия	0,2	0,1	0,2	0	0,3	0,4	0,5	0,4	0,3	0,4
Казахстан	-1,1	-1	-1,1	-1,1	-1	-1,1	-1	-1	-1	-1
Венгрия	0,7	0,8	0,8	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,6	0,5
Молдова	-0,4	-0,4	-0,7	-0,9	-0,8	-1	-0,7	-0,6	-0,7	-0,6

⁸⁰ World Bank [Электронный ресурс] / Control of Corruption: Estimate. –2020. – Электрон. Дан. – Режим доступа: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=worldwide-governance-indicators> (дата обращения: 25.04.2020)

Принадлежность к кластерам				
Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
1:Россия	1	1	1	1
2:Белорусия	2	2	1	1
3:Румыния	3	3	2	1
4:Украина	1	1	1	1
5:Болгария	3	3	2	1
6:Чехия	4	4	3	2
7:Польша	4	4	3	2
8:Словакия	5	4	3	2
9:Казахстан	1	1	1	1
10:Венгрия	4	4	3	2
11:Молдова	2	2	1	1

Ответы респондентов об их «общей лояльности» демократии (WVS)⁸¹

Страна	Процент респондентов - членов партии (%).	Процент считающих, что демократии защищены от нестабильности (%).	Процент соотносящих демократию и порядок (%).	Количество одобряющих демократию (%)	Процент предпочитающих "сотрудничающего политика" (%).	Процент поддерживающих демократическую политическую систему (%).	Процент неодобряющих коммунистическое правление (%).
Болгария	5,7	34,5	-	-	-	-	46,3
Белорусь	2,8	37	40,9	65,5	59,7	65,8	33,3
Чехия	6,7	39,3	52,2	84,8	78,5	86,4	54,6
Венгрия	3,4	45,5	59,5	73,7	68,5	83,4	34,9
Польша	1,1	14,3	20,3	68,1	65,7	75	53
Румыния	12	48,2	-	-	-	-	78,4
Россия	1,9	19,9	24,6	42,9	57,5	44,9	29,7
Украина	1,5	29,8	32,1	51,9	49,9	55,2	38
Словакия	-	-	58,5	-	81,4	87,8	-
Молдова	2,9	31	44,5	66,4	71,2	77,7	26,5

⁸¹ World Values Survey [Электронный ресурс] / Online Data Analysis. – 1981-2014. – Электрон. Дан. – Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 27.04.2020)

Принадлежность к кластерам				
Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
2:Белорусь	1	1	1	1
3:Чехия	2	2	1	1
4:Венгрия	3	2	1	1
5:Польша	4	3	2	2
7:Россия	5	4	3	2
8:Украина	5	4	3	2
10:Молдова	1	1	1	1

Интерес к политике (данные WVS)⁸²

Страна	Процент ответивших, что политика важна (%)	Процент часто обсуждающих политику (%)	Процент интересующихся политикой (%)	Процент принадлежащих к отметке от 0,7-1 по шкале К. Вельцеля (%)	Процент предпочитающих конкуренцию (%)	Процент одобряющих кооперацию с окружающим и (%)
Болгария	24,7	70	42,3	10,3	61,2	41
Белорусия	40,3	79,3	54,8	4,9	57	66,6
Чехия	25,5	80,9	55,8	20,4	69,5	60,7
Венгрия	27,1	72,4	49,7	11,8	64,5	64,5
Польша	30,1	67,6	42	8	47,5	60
Румыния	24,5	75	39,2	11,5	74,5	56,3
Россия	27,6	75,8	34,7	3,6	53,2	68,7
Украина	28,3	65	39,4	3,9	54,2	64,1
Словакия	28,1	79,8	57,8	11,1	67,7	53,4
Молдавия	27,7	74,2	34,6	3	57,4	62,5

⁸² World Values Survey [Электронный ресурс] / Online Data Analysis. – 1981-2020. – Электрон. Дан. – Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 27.04.2020)

Принадлежность к кластерам				
Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
1:Болгария	1	1	1	1
2:Белорусия	2	2	2	2
3:Чехия	3	3	3	1
4:Венгрия	3	3	3	1
5:Польша	4	4	2	2
6:Румыния	5	3	3	1
7:Россия	4	4	2	2
8:Украина	4	4	2	2
9:Словакия	3	3	3	1
10:Молдавия	4	4	2	2

Участие в политике (данные WVS)⁸³

Страна	Процент респондентов, которые могли бы/участвовали в бойкоте (%)	Процент респондентов, которые могли бы/участвовали в мирной демонстрации (%)	Процент респондентов, которые могли бы/участвовали в несогласованной забастовке (%)	Процент респондентов, которые могли бы/участвовали в подписании петиции (%)
Болгария	19,7	43,8	28,7	37,5
Белорусия	21,2	49,3	14,6	36
Чехия	55,8	57,8	30,2	74,4
Венгрия	40,5	49,6	22,2	73,1
Польша	25,5	40,7	17,1	56,6
Румыния	16,7	63,6	23,9	52,3
Россия	22,5	51,6	15,8	44,5
Украина	20,2	47	10,6	41,5
Молдавия	14,7	49,7	12,9	32,9
Словакия	47,4	50,6	25,9	72,2

⁸³ World Values Survey [Электронный ресурс] / Online Data Analysis. – 1981-2020. – Электрон. Дан. – Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 27.04.2020)

Принадлежность к кластерам				
Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
1:Болгария	1	1	1	1
2:Белорусия	2	2	2	1
3:Чехия	3	3	3	2
4:Венгрия	3	3	3	2
5:Польша	4	3	3	2
6:Румыния	5	4	1	1
7:Россия	2	2	2	1
8:Украина	2	2	2	1
9:Молдавия	2	2	2	1
10:Словакия	3	3	3	2

Доверие государственным институтам (данные WVS)⁸⁴

Страна	Процент доверяющих армии (%)	Процент доверяющих судам (%)	Процент доверяющих парламенту (%)	Процент доверяющих бюрократическом у аппарату (%)	Процент доверяющих государству (%)	Процент доверяющих полиции (%)	Процент доверяющих партиям (%)
Болгария	75,8	35,6	42,2	42	56	48,2	26,7
Беларусь	70,4	46,6	26,1	45,8	47,9	36,8	13,8
Чехия	42,2	28,4	19,8	38,3	29,8	43,4	14,3
Венгрия	56,5	50,6	37,4	50	42,4	55	19,1
Польша	75,1	48,3	31,1	31,2	36,2	51,3	11
Румыния	79,9	41,9	18,1	25,4	20,1	37,8	13
Россия	66,5	38	20,8	44,4	24,9	29,8	17,6
Украина	62,5	41,4	33,9	36,4	40,5	35,3	17,2
Молдавия	56,1	49,2	16,6	49,8	42,7	42,7	16,6
Словакия	57	40,9	21,1	38,9	41,5	41,5	21,1

⁸⁴ World Values Survey [Электронный ресурс] / Online Data Analysis. – 1981-2020. – Электрон. Дан. – Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 27.04.2020)

Принадлежность к кластерам				
Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
1:Болгария	1	1	1	1
2:Белорусь	2	2	2	1
3:Чехия	3	3	3	2
4:Венгрия	3	3	3	2
5:Польша	4	2	2	1
6:Румыния	4	2	2	1
7:Россия	2	2	2	1
8:Украина	2	2	2	1
9:Молдавия	5	4	3	2
10:Словакия	5	4	3	2

Данные и результаты регрессионного и корреляционного анализов.

Страны	Зависимая переменная	Независимые переменные			
	Уровень демократии (на конец транзита)	ВНД на душу населения (усреднённая)	Интерес к политике (усреднённое)	Джини (усреднённое)	Индекс хрупкости гос-ва (усреднённое)
Россия	5	2557	38,98	43,26363636	10
Белоруссия	-7	1532	47,26	31,7	5,272727273
Украина	6	1016	38,16	32,37272727	5,454545455
Польша	9	3420	39,04	30,5	1,454545455
Чехия	10	4999	50,42	26,22727273	0,818181818
Словакия	10	4569	48,9	25,82857143	2,363636364
Венгрия	8	4116	45,1	27,82727273	0,454545455
Румыния	8	1458	44,94	29,42727273	7,727272727
Болгария	8	1481	41,7	31,98181818	6,181818182

	level_of_democracy	VND	interest	gini	fragility
level_of_democracy	1	0.496	-0.036	-0.321	-0.328
VND	0.496	1	0.548	-0.469	-0.733
interest	-0.036	0.548	1	-0.674	-0.453
gini	-0.321	-0.469	-0.674	1	0.786
fragility	-0.328	-0.733	-0.453	0.786	1

Результаты регрессионного анализа

R-квадрат=0,88 – следовательно предложенная модель объясняет 88% вариации переменной «уровень демократии».

Значимость F <0,05 следовательно нулевая гипотеза отвергается

	<i>Dependent variable:</i>
	level_of_democracy
VND	0.006*** (0.001)
interest	-1.582** (0.354)
gini	-1.783** (0.434)
fragility	2.545** (0.729)
Constant	104.218** (22.810)
Observations	9
R ²	0.882
Adjusted R ²	0.763
Residual Std. Error	2.562 (df = 4)
F Statistic	7.455** (df = 4; 4)
<i>Note:</i>	* p<0.1; ** p<0.05; *** p<0.01

Стандартизированные коэффициенты, позволяющие сравнить «вес» различных показателей⁸⁵:

Модель		Коэффициенты ^а						
		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Значимость	95,0% Доверительный интервал для В	
		В	Стандартная ошибка	Бета			Нижняя граница	Верхняя граница
1	(Константа)	104,218	22,810		4,569	,010	40,887	167,548
	ВНД на душу населения	,006	,001	1,602	4,717	,009	,002	,009
	Интерес к политике	-1,582	,354	-1,372	-4,469	,011	-2,565	-,599
	Джини	-1,783	,434	-1,759	-4,109	,015	-2,988	-,578
	Хрупкость государства	2,545	,729	1,608	3,493	,025	,522	4,567

а. Зависимая переменная: Уровень демократии

$1,759/1602 = 1,098$ Получается влияние модуля фактора неравенства в 1,09 раз больше, чем сила влияния благосостояния

⁸⁵ Ахременко, А.С. Политический анализ и прогнозирование. В 2 ч. Часть 2: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / А.С. Ахременко. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – С.182